

A studio photograph for a wedding dress advertisement. On the left, a groom in a white shirt and dark vest stands looking down at a young flower girl. The flower girl, in a white off-the-shoulder dress, holds a bouquet of white flowers. To the right, a bride in a long, white, lace-trimmed gown stands looking towards the camera. The background is a soft, out-of-focus grey with bokeh light effects.

РИНА БЕЖ

ТВОЯ
НАСЛЕДНИЦА

Рина Беж

Твоя наследница

<https://litres.ru/74278439>

Аннотация

♥# Нас разлучили, ловко сыграв на слабостях и гордости, используя хитрость и веру в семейные ценности, применив шантаж и угрозы... А через семь лет мы с Давидом встретились вновь. Случайно. Или нет... Так ли это важно? Ведь главное, что он наконец узнал правду: он не бесплоден, он – отец. У него есть дочь. Его наследница.

♥# ИСТОРИЯ ЮЛИ И ДАВИДА. Герои встречаются в истории "Ты знаешь мой секрет?" ОДНОТОМНИК

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	50
Глава 6	61
Глава 7	73
Глава 8	82
Глава 9	94
Глава 10	104
Глава 11	113
Глава 12	120
Глава 13	129
Глава 14	138
Глава 15	148
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Глава 1

♥# Нас разлучили, ловко сыграв на слабостях и гордости, используя хитрость и веру в семейные ценности, применив шантаж и угрозы...

А через семь лет мы с Давидом встретились вновь. Случайно. Или нет... Так ли это важно? Ведь главное, что он наконец узнал правду:

он не бесплоден, он – отец. У него есть дочь. Его наследница.

♥# ИСТОРИЯ ЮЛИ И ДАВИДА. Герои встречаются в истории "Ты знаешь мой секрет?"

ОДНОТОМНИК

ЮЛЯ

– Юль, зови наших непосед за стол. Аниматоры будут минут через пять, – Соня с одним из близнецов на руках, кивает в сторону зеленого газона.

Там, ни на кого не обращая внимания, носятся и заливаются беспечным смехом Надюшка и Богдан Гроссо, дети

Алекса и Софии, и моя обожаемая дочь Амина. Этой неугомонной троице нет никакого дела до бесконечно прибывающих на торжество гостей.

Да и повод их не особо заботит.

Подумаешь, устроили крестины младшим двухмесячным близнецам Гроссо.

Разве ж это событие?

Да и что с тех взять?

Только спят, едят, орут да глазами хлопают. Скучные. Но, главное, что их, неразлучную банду, не трогают, все внимание перетянули карапузы. И они отлично тусят вместе и этим счастливы.

И совершенно неважно, что еще час назад бабушка Лена нарядила девочек в похожие бальные платья с пышными юбками и белые туфельки. Юные красавицы беззаботно гоняют мяч наравне с единственным мальчишкой.

– Мина, лови, – Богдан ловко поддевает желто-синий мяч ярко-белым кедом и отправляет в сторону дочери.

Моя шестилетняя попрыгушка тут же бросается навстречу, на бегу приподнимая длинную юбку. Но мяч оказывается проворнее, проскакивает буквально в полуметре от нее и, не останавливаясь, скачками движется в сторону парковки.

Дочка за ним.

Дальше все происходит как в замедленной съемке.

Вот мяч, зависнув на долю секунды на пригорке, начина-

ет скатываться вниз. Амина не отстаёт. Летит за ним в двух шагах.

Одновременно с этим чёрный тонированный седан мигает гостеприимно распахнутые ворота и выворачивает на единственное свободное парковочное место.

До встречи не более четырёх метров.

Мяч, ударяясь, устремляется чётко наперерез машине, которая и не думает останавливаться. Амина, сосредоточившись на преследовании, несётся, не глядя по сторонам.

В какой-то момент меня оглушает паника. Тело деревенеет. Живут только глаза, которые, словно сумасшедшие, перебегают от моей девочки к чёрному монстру и обратно.

Разворачивающееся зрелище кажется кошмаром, поставленным на замедленное воспроизведение. Ещё секунда, две, и катастрофа станет неминуема.

Нельзя этого допустить.

Преодолеваю внутреннее оцепенение. Раскрываю рот, чтобы позвать малышку, остановить её. Предотвратить трагедию.

И тут же передумываю.

Отвлеку и сделаю этим ещё хуже. Не обращая внимание на высокие каблуки, срываюсь вслед за дочерью.

В глазах темнеет, я с дрожью представляю, как опаздываю на доли секунды, и самое ужасное успевает случиться.

Господи, помоги!

– Мамочка, ты чего такая бледная? – Амина прикладывает

левую ладонь к моей щеке и внимательно заглядывает в глаза.

Моргаю раз, второй.

Делаю глубокий вздох, словно вынырываю из-под толщи воды, которая до этой секунды уверенно меня душила.

Шум в голове постепенно начинает стихать, зрение проясняется.

Страхиваю наваждение и осознаю, что держу свою кровиночку на руках, крепко прижимая к груди.

Она жива. Цела. И, главное, здорова.

Всё в порядке.

Слава тебе, Боже!

Трагедии не произошло.

– Все хорошо, моя милая.

Успокаиваю ее и заодно себя и только тогда замечаю стоящего напротив нас мужчину.

Солнцезащитные зеркальные очки отлично скрывают верхнюю часть лица. Но для меня этот атрибут не является помехой. Я хорошо знаю глаза, которые за ними прячутся.

Темно-карие.

Правда, иногда они меняют цвет. Становятся почти черными, холодными и беспощадными, стоит мужчине разозлиться, или, наоборот, напоминают горький топленый шоколад, если их владелец испытывает удовольствие.

Я не видела его шесть лет и семь месяцев, но узнала мгновенно.

Еще бы не узнать того, кто вместо того, чтобы протянуть руки помощи, однажды пнул меня ногой под зад, выгнав не только из своего дома, но и из страны.

– Я видел мяч и девочку, так что не стоило так рьяно бросаться под мою машину, чтобы привлечь внимание, – произносит он почти безэмоционально, а у меня, как и прежде, дрожь пробегает по телу от низкого тембра его голоса. Бархатного, пробирающего до костей. – Здравствуй, Юлия.

– Добрый день, Давид, – отвечаю машинально и вздергиваю подбородок.

Его тон мне не нравится.

Вроде бы он и кажется безэмоциональным. Но в том-то и дело, что только вроде.

В прошлом я успела неплохо узнать этого мужчину. Потому без труда улавливаю во фразе надменные нотки... только вот с намеком на что?

Фыркаю мысленно.

Неужели решил, будто я к нему специально под колеса бросилась.

Глупо и самонадеянно. Да и много чести для такого, как он, от такой, как я.

Слегка прищуриваюсь и, прежде чем успеваю себя одернуть, добавляю в том же духе:

– Рада, что в кои-то веке ты не оказался слепым.

– Хочешь что-то сказать прямо, так скажи, – прилетает в ответ. – Ненавижу словесные кружева.

Ухмыляюсь и отрицательно качаю головой.

Нет, Цикал.

Я с тобой говорить не буду.

Ни о чем.

Да и не о чем нам.

Один раз уже попыталась, глупышка. Была прилюдно осмеяна, названа лгуньей и прогнана прочь.

Что ж, урок запомнила. Не зря в школе и институте хорошо училась.

Каждому свое.

И никак иначе.

– Пойдем, милая, – отворачиваюсь, не считая нужным продолжать пустой разговор, но еще больше спешу убрать дочь от прожигающего взгляда карих глаз.

– Мамочка, там мяч остался, надо его забрать, – Амина ловко выворачивается из моих рук и соскальзывает на землю.

Да что за невезение!

Тянусь за ней, чтобы... что? Отгородить от мужчины? Не допустить их близкого контакта?

А хоть бы и так. Имею право.

Но не успеваю.

Мелкая непоседа ловко прошмыгивает мимо, даже не осознав моей попытки, и подходит вплотную к Цикалу.

Точнее к злополучному желто-синему резиновому прыгуну, что целым и невредимым лежит у переднего колеса

угольно-черного блестящего на солнце автомобиля.

– Держи, – Давид легко наклоняется, подхватывает мяч и протягивает моей девочке.

Та доверчиво раскрывает ладошки и широко улыбается, получая в руки свою потеряшку.

А в следующий момент наш мир будто раскалывается напополам.

На «до» и «после».

На тихие и мирные шесть лет с дочерью вдвоем и непонятное будущее, что наступит буквально через пару мгновений.

Для наблюдающих за нами со стороны гостей по сути ничего особенного не происходит. Все так же пригревает солнце, дует легкий теплый ветерок, залиvisto поют птицы, обоняние радует ненавязчивый аромат кустовых роз, в стороне смеются дети, а мы с Давидом вроде как беседуем.

Только вот я словно попадаю в вакуум.

Резкую смену эмоционального фона чувствую мгновенно. Пытаюсь понять, что не так, что изменилось буквально за секунду.

И улавливаю.

По закаменевшей позе и направлению лица мужчины четко сопоставляю, куда он так пристально смотрит.

И тут же хочется отмотать время на несколько минут назад.

Хочется крикнуть ему: «Отвернись! Не смотри!».

Хочется подхватить Амину и спрятать у себя за спиной, унести ее подальше, обезопасить.

И вновь мысли и действия не совпадают.

– Какое необычное у тебя родимое пятнышко, – хрипло выдает Давид и легко касается правой руки дочери. Там, где у основания большого пальца красуется пятиконечная звездочка размером с горошину.

Не заметить, как проседает его голос, сложно так же, как и не увидеть слегка дрогнувшую руку, хоть он и старается это скрыть, сжимая ее в кулак.

– Ага! – счастливо улыбается Амина, не замечая напряжения взрослых. Она безумно гордится этой своей маленькой отличительной чертой. – Тебе нравится?

– Красивое, – следует моментальный ответ. – И очень похоже на мое.

Нет! Нет! Не смей!

Хочу крикнуть одному, а второй закрыть ушки и заставить забыть их встречу.

Но я продолжаю стоять столбом и до боли в ладонях сжимаю кулаки.

Мы предполагаем, а Господь располагает.

Кажется, так говорят?

Вот прямо в точку.

Я никогда не считала себя фаталисткой, но... порой приходится признавать, что случайности в нашей жизни могут быть не случайны.

– Правда? А где? Покажешь? – заваливает Давида вопросами моя девочка.

И в глазах никакого страха нет. Смотрит на него открыто, чуть улыбается. Хотя он для нее, по сути, незнакомец. А с теми она обычно очень настороженно себя ведет.

– Не поверишь, в том же месте, где и у тебя, – Цикал поворачивает правую руку тыльной стороной и демонстрирует идентичное пятно.

– Ого, вот это да! Как здорово! Мамочка, смотри, смотри, как они у нас похожи, – дочь оборачивается ко мне, сияя кариими очами.

И я прикладываю максимум усилий, чтобы улыбнуться ей в ответ и ни в коем разе не показать всего того шквала эмоций, что грозит снести меня с ног.

Смотрю только на дочку. Руку мужчины игнорирую.

Ничего нового в ней нет.

А все, что могу увидеть, прекрасно помню и так. С закрытыми глазами, если захочу, легко представляю, потому что, оставшись одна почти семь лет назад, я часами рассматривала снимок на телефоне, запечатлевший его кисть с родимым пятном.

Единственное фото, которое люди, присланные семейством Цикал, пропустили и не стерли, когда методично уничтожали любые намеки на то, что мы когда-то были с ним вместе. Пусть и совсем недолго.

Мне ничего не осталось от нашего прошлого, один лишь

только кадр, сделанный в шутку, пока Давид спал.

Ах, нет.

Еще осталось разбитое сердце и... наша девочка.

Нет.

Моя.

Только моя девочка. Мое сокровище.

– Это случайное совпадение, Амина, – улыбаюсь малышке шире.

Ерунда, что скулы сводит от напряжения.

Чтобы отвлечь ее, обнимаю за хрупкие плечики и показываю в сторону Богдана и Нади. Ребята стоят в паре шагов от нас, пританцовывая на месте и поглядывая в сторону шатра для ребятни: вроде как и на Шрека им посмотреть поближе хочется, тот уже пришел на праздник с огромной охапкой разноцветных воздушных шаров, но и Мину бросать одну – не вариант.

– Бери друзей и бегите к крестной, она вас уже потеряла, – легонько подталкиваю дочь.

– Но мамочка...

– Сладкая моя, там уже аниматор скоро плакать начнет, что ему не с кем веселиться, – киваю на зеленого человечка.

– Уф, ладно, – заметив, что так привлекло друзей, моя девочка резво отшагивает в их сторону.

И когда я уже думаю, что легко отделалась и всё самое страшное осталось позади, дочь выдаёт:

– А в детстве ты говорила, что у папы такая же родинка.

Глава 2

ДАВИД

– Чего такой напряженный, брат? – Алекс подходит сзади и хлопает по плечу. – Проблемы в бизнесе?

– Нет, брат, в личной жизни, – засовываю руки в карманы и сжимаю кулаки, поворачиваясь к нему.

Алекс Гроссо – лучший и единственный друг с младых лет, разглядывает меня с широкой улыбкой. И я не сдерживаюсь, улыбаюсь в ответ, а потом обнимаю побратима, которого не видел слишком долго.

А он изменился, делаю вывод, вспоминая всегда серьезного парня, каким тот был семь лет назад, когда я уехал из России.

Надо же, как много всего за это время произошло. Алекс стал закоренелым семьянином, многодетным отцом и, судя по довольной роже, безумно счастливым человеком. Хотя из нас двоих именно он всегда открещивался от такого развития событий.

Карьерист и безжалостный делец, он видел себя только в бизнесе, именно его ставил во главу угла, а женщин менял, не задумываясь, как только они пытались перебраться из категории «однодневка» в статус единственной и незаменимой. Даже моя младшая сестренка Карина обломалась, пусть и временно носила звание его невесты.

Я же, наоборот, всегда хотел встретить особенную для себя девушку и создать с ней большую семью. Детей хотел. До фанатизма.

Однако, вышло, как вышло.

Наши желания осуществились с поразительной неточностью.

Но я рад за Алекса. Всем сердцем. Он мне дорог и близок, несмотря на то, что жизнь раскидала нас в последние годы по разным странам.

Хотя, нет. Не так.

Это я сам принял такое решение.

Отдалился.

Скинул российский бизнес на доверенное лицо, поставил толковых наблюдающих, параллельно послал подальше отца с его грандиозными планами на мою личную жизнь, и перебрался в Италию строить судьбу заново.

И ведь почти вышло.

Даже жениться надумал. По собственному желанию. Потому что по наивности верил: одно вполне можно заменить другим, и это сработает. Затянутся старые душевные раны. Перестанут, наконец, зудеть и нарывать, выворачивая нутро. Сотрутся воспоминания, причиняющие боль от предательства.

Не выгорело.

Самообман не удался. И я даже в какой-то мере обрадовался, что вовремя тормознул, решил не душить голову себе

и не портить жизнь ни в чем неповинной девушке.

Она заслужила гораздо больше. Теплоту, заботу, нежность, любовь. Всё то, что я не смог бы подарить ей в должном количестве.

– А она у тебя есть, личная жизнь-то? – хмыкает Гроссо, возвращая мысли в настоящее.

Вот же засранец!

Как обычно прямолинеен и прет как танк.

За это и ценю друга. Он никогда не молчит, никогда ни перед кем не пасует. Рубит правду-матку в глаза.

Вот только...

– Не поверишь, раньше думал, что нет, – зеркалю едкую ухмылку.

– И что изменилось?

Прищуриваюсь и пристально смотрю в глаза того, кто мне был всегда ближе, чем все родные вместе взятые.

– Скажи, брат, – отвечаю вопросом на вопрос, – есть ли смысл делать тест ДНК?

Киваю в сторону Амины, прелестной малышки, маленькой и хрупкой, как ее мать, смуглой и кареглазой, как я.

Девчушка заливается веселым смехом, накручивая на пальчик выющийся медовый локон, выбившийся из высокого хвостика на макушке, и ловко улепetyвает от Богдана.

– Дав, – Алекс только отрицательно качает головой, мгновенно понимая, о чем речь.

А вот я не понимаю.

Не понимаю, почему он молчал столько лет, когда тут, у него прямо под носом, росла моя дочь.

МОЯ ДОЧЬ! Черт подери!

Мне потребовалось меньше минуты, чтобы понять кто она. И охренеть. Потому что приговор врачей в двух клиниках был единогласным – бесплоден.

– Почему ты мне ничего не сказал? – на эмоциях голос проседает и получается сип.

Я впиваюсь в глаза друга, стараясь уловить хоть намек, что ему стыдно.

А друга ли?

Бьет под дых новая мысль, но я откидываю ее, как самую идиотскую. Если не верить Алексу, кому вообще можно верить в этой никчемной жизни. Нет. Нельзя действовать сгоряча.

Стоит узнать все подробно и понять.

– Я ей обещал, что не стану вмешиваться, – Гроссо не называет имени, но мы оба понимаем, о ком идет речь.

И он не чувствует никакой вины, произнося это.

По лицу вижу.

Смотрит прямо. Уверенно. Ни грамма сомнений.

Заставляю себя выдохнуть и расслабиться. Холодный ум, а не эмоции – вот на что всегда я опирался.

Но сегодня вновь происходит сбой. С Котовой всегда все наперекосяк.

Дьявол!

– Дав, Юля летала к тебе в Турцию рассказать о беременности. Или я ошибаюсь? И она ввела меня в заблуждение? – задает четкие вопросы побратим.

– Нет, все верно, – отвечаю, сжимая челюсти.

– Ты ее выгнал.

– Алекс, ты не понимаешь!

– Но факты именно таковы, – Гроссо безжалостен.

И я, с одной стороны, зол, что он бьет весьма прицельно и болезненно, а с другой, рад, что у Юли и Амины все это время был такой защитник.

– Я прилетал к ней позже, через месяц, – не оправдываюсь. Просто стараюсь разобраться в прошлом. – Почему она соврала, что сделала аборт?

– Может, потому что твой отец ей угрожал?

– Что?

– А чему ты удивляешься? Или забыл, как решает проблемы твоя семья?

– Нет, но она же была...

– Никем, – резко заканчивает предложение друг, вываливая наружу нелицеприятную правду, хотя я намеревался сказать совсем другое. – Но все же в matrimониальные планы твоего отца умудрилась вмешаться и чуть их не испортила.

Да, Юля ничем не устраивала Дамира Цикала, и он этого сперва не скрывал. У нее не было нескольких миллиардов на заграничных счетах, отсутствовали выгодные для ведения совместного бизнеса родственники и связи в высших кругах.

Она была простой и неинтересной для нашей «выдающейся семьи», как и миллионы других обычных девчонок.

Однако, я думал, что чуть позже отец смирился с моим выбором и отступил. Получается, нет. Он все же посчитал ее угрозой и просто затаился на время. А затем сделал ход конем... и, скорее всего, сразу в обоих направлениях.

Узнать всё, что осталось «за кадром» семь лет назад теперь становится принципиально важным и жизненно необходимым.

И я узнаю, даю себе клятву.

– И ты не заступился? – возвращаюсь к разговору, слегка приоткрывающему завесу жестоких тайн.

– Нет, потому что выяснил об этом постфактум, – отвечает спокойно, а вот меня всего скручивает от понимания ситуации, какой видели ее остальные, а особенно молодая, одинокая девчонка.

Беременная девчонка.

Финансово нестабильная.

Отвергнутая женихом.

Высмеянная его семьей.

Запуганная до смерти.

Я слишком хорошо знаю своего отца – безжалостного манипулятора, тирана и самодура, заикленного на обогащении любыми средствами и методами, чтобы ясно представлять, как он мог давить на Котову, доводя ее до нервного срыва, а то и чего пострашнее.

– В то время она была одна, – продолжает Алекс добивать.
– Точнее, с моей женой, единственной подругой, оставшейся на ее стороне. Остальные по какой-то неясной причине от Юли отвернулись. Думаю, твоя сестричка и тут приложила свою поганую руку.

Как бы не любил сестру, сейчас молча проглатываю обвинения. Побратим не тот человек, кто станет бросаться словами направо и налево, не имея обоснований. А значит, Карина тоже...

Отец и Карина. И я – слепой болван!

Дьявол!

Ощущение беспомощности накрывает лавиной. Тихая ярость сковывает тело.

Что может быть ужаснее, когда предает семья? Когда рушится незыблемая опора. Когда родные втыкают нож в спину?

И пусть я здраво никогда не считал их святыми, но и такой подлости не ожидал.

На секунду прикрываю глаза, до боли сжимая зубы. Пока не время кипеть и горячиться. Холодный ум и трезвый расчет. Только так.

И всё же...

Сколько же всего я не знаю?! Страшно представить.

Ну ничего. Главное, что девчонки целы и невредимы. Амина – просто ангелочек, от которой невозможно оторвать взгляда. А Юля... Юля совершила невозможное – сохранила

моего ребенка и, уверен, не просто достойно воспитала дочь, но и дала ей все самое лучшее. И за это я буду благодарить ее всю жизнь и сделаю так, чтобы с этой минуты они обе ни в чем и никогда не нуждались.

А с остальным я разберусь, до всего докопаюсь.

И лучше, если на моем пути больше никто из родственников не встанет.

За своё буду мстить.

Соразмерно. И жестоко.

Всепрощение теперь не выход... даже для близких.

Прав был Алекс когда-то, моя сестра оказалась еще той гадюкой, да и отец ей под стать.

– Соня тоже в курсе, что я – отец Амины? – наблюдаю, как жена Алекса подходит к Юле и обнимает ее за плечи, что-то тихонько нашептывая.

Котова в первый момент нервно дергается, и я еле сдерживаюсь, чтобы ни рвануть к ней, желая обнять и успокоить. Пообещать, что все дурное позади, и они с дочерью теперь всегда будут под надежной защитой. Я для этого сделаю всё и даже больше. Руки буквально чешутся, как хочется обнять девушку, не только не изменившуюся за прошедшие годы, но и ставшую еще краше и желаннее.

– Нет, иначе она ни за что бы не сделала тебя крестным, – фыркает Гроссо. – Скорее уж и на пушечный выстрел к нам в дом не пустила.

– А ты? Тоже считаешь, что я во всем виноват, брат? –

уточняя главное.

– Я считаю, что лучше поздно, чем никогда, Дав. Выясни, наконец, правду. И, если отцовские чувства проснулись, то, проявив деликатность и терпение, уверен, ты сможешь стать хорошим отцом.

– А Юля? – спрашиваю о невозможном.

Семь лет назад я вычеркнул эту девушку из своей жизни, поверив близким и обвинив ее во лжи, и не позволил себе ни капли слабости, чтобы передумать. С тех пор ни разу ею не интересовался, заставил себя все забыть, запретил вспоминать.

А теперь...

Совершенно не представляю, как у нее сложилась судьба, чем она живет... и с кем, кроме дочери.

Гляжу на нее, и словно не было долгой разлуки...

– Юля собирается замуж, брат, – обрубает все мысли на корню Гроссо. – Кстати, вон и жених. Легок на помине.

Оборачиваюсь и разглядываю высокого тощего лощеного пижона в клетчатом пиджаке и начищенных до блеска черных ботинках. Он размашистой походкой приближается к Котовой и Соне, что-то говорит последней, и та оставляет пару вдвоем. А мужик по-хозяйски обнимает мать моей дочери, прижимая к своему хилому телу, и о чем-то ей нашептывает, касаясь губами белокурых волос.

Недовольство, переплетенное с ревностью, удивляет не особо. Я не привык бегать от реальности, потому не отрицаю

очевидного. Самовнушение, которым я занимался последние семь лет, не помогло. Чувства к Юле живы. Они словно спали до момента нашей с ней встречи, закованные в броню.

Но та легко треснула, стоило пересечься ее голубому взгляду с моим.

– Замуж, значит? – потираю подбородок костяшками левого кулака. – Ну-ну.

– Жених не понравился? – понятиливо хмыкает Алекс.

Он правильно оценивает посыл. Еще бы, столько лет знакомы, столько всего вместе прошли и пережили.

– Да, без вариантов. Будет замена.

– Не удивлен, – подмигивает побратим и тут же серьезно добавляет. – Только, братишка, советую еще раз очень-очень хорошо подумать: надо ли оно тебе. Потому что, Юля больше не беззащитная мышка, которую ты, твой отец или сестра могли безнаказанно шпынять и травить. Теперь у нее есть мы – Гроссо. За нее я даже тебе голову откручу, своему названному брату.

– Алекс, – обрубая также серьезно и давя взглядом, чтобы замолчал.

Но нет.

Друг прет танком:

– Дав, взвесь все «за» и «против». И, только если будешь уверен на сто процентов, начинай действовать.

– Я уверен, брат, – отвечаю без паузы. – Уверен уже сейчас. Я. НЕ. ОТСТУПЛЮСЬ. Об одном лишь жалею, что

раньше не узнал.

Мне не нужно думать, говорю уже себе, да и не о чем.

Это моя женщина, пусть она еще и не в курсе событий. Она – мать моей дочери, а значит, и моей женой обязательно станет.

Хватит, подурили и будет.

А до правды я обязательно докопаюсь.

Пришла пора наводить порядок.

– А я же тебя звал, Давид, – меняет тему побратим, принимая мое решение. – Настойчиво звал в Россию. Только для чего – прямо сказать не мог. Дал слово Юльке молчать, и нарушить не мог. Но очень рад, что моя любимая жена смогла пробить твою броню и вытянуть сюда. Обещаю, что помогу всем, чем смогу, если ты решишь сделать девчонок счастливыми. Они нам тоже как родные. Соня считает Юлю названной сестрой.

– Больше я их не подведу, брат. Обещаю.

Глава 3

ЮЛЯ

– Эй, милая, у тебя все в порядке? – спрашивает Соня, незаметно подкравшись сзади и обдав ухо горячим дыханием.

Подпрыгиваю, будто меня ужалили, и хватаюсь за сердце. Нервы ни к черту!

Даже на подругу, что ближе мне, чем все немногочисленные родственники вместе взятые, не считая, естественно, моего сокровища с кудряшками, реагирую неадекватно.

А всё этот Цикал виноват. Вот зачем вернулся в Россию? Жил за границей себе спокойно, нет же. Принесла нелегкая. Нарисовался, фиг сотрешь.

– Тише-тише, это всего лишь я, – подружка даже руки приподнимает, словно сдается, сама же внимательно сканирует меня взглядом, отлично считывая расшатанное состояние.

– Прости, задумалась, – объясняю пространно, растягивая улыбку пошире.

Не хочу Софию волновать. У нее и так забот хватает. Особенно теперь, с четырьмя детьми, двое из которых груднички.

Мои заморочки для нее совершенно лишние. Поэтому принимаю беззаботный вид и...

– Юльчик, – прищуривается Гроссо, демонстрируя, что не купится на обман, – что случилось? На тебе лица нет. И не пытайся меня провести, за семь лет я тебя хорошо изучила.

– Сонь...

Произношу предупреждающе-просяще и отрицательно качаю головой. Не хочу никаких душещипательных разговоров.

– Не Сонькай мне, – хрупкая блондинка фыркает, совершенно не впечатлившись моей яркой мимикой.

Деловито осматривается по сторонам и спустя пару мгновений кивает самой себе, явно приняв какое-то решение. Ну, понятно, отвертеться не выйдет.

– Так, погоди две минуты, – тычет в мою сторону пальчиком с кротким аккуратным ноготком, – и никуда не вздумай сбегать.

– Да как скажешь, – хмыкаю, закатив глаза, но тут же, заметив приподнятую в вопросе бровь, исправляюсь и киваю. – Жду-жду.

С Гроссо мы сдружились больше семи лет назад. И вышло это на удивление оперативно и крепко. Можно сказать, нашли друг друга в сложные для обеих времена. Она тогда потеряла в автокатастрофе родную сестру-близняшку, а я маму из-за болезни. Рак третьей степени ее не пощадил.

У нас с Соней на тот момент были проблемы с доверием и налаживанием дружественных связей. Дичились обе помимо воли. Сильно.

Правда, недолго.

К концу первой же встречи успели разговориться. К концу второй подписали договор о сотрудничестве, Соня помогала мне разработать и воплотить в жизнь дизайн студии, которую я тогда только купила.

А дальше... постепенно, шаг за шагом, мы с рабочих вопросов ненавязчиво перешли к личным, начали друг перед другом раскрываться, делиться переживаниями, радостями, страхами.

Как итог, стали почти родными.

Почти...

Она – без малого шесть лет как обожаемая крестная моей дочери, я же – будущая крестная ее близнецов.

Единственное, о чем я так и не смогла поведать подруге – кто же отец моего кудрявого чуда. Ага, именно кудрявого. Амина родилась с волосиками. Короткими и темными, довольно забавно напоминавшими спиральки в первый год ее жизни. Со временем же они посветлели до цвета гречишного меда и из крутых колечек превратились в милые завитушки.

– Я видела, что ты общалась с Давидом. Он что-то плохое тебе сказал? Как-то обидел? – засыпает вопросами Соня, стоит нам расположиться у небольшого фонтана, спрятанного в дальней части необъятной территории семейства Гроссо.

Моя подруга, если хочет, действует стремительно. Вот и теперь всё ловко провернула – близнецов оставила на попе-

чении мужа и свекрови, благо те сытые и довольные сладко посапывали в люльках, а сама с деловым видом прихватила в одну руку бутылку шампанского и два хрустальных бокала, в другую цапнула меня и беззаботно под общий галдеж свинтила подальше.

«Соскучилась, – заявила она, подмигнув и удобно расположившись на широком гранитном бортике. – А там и без нас нянек предостаточно. Разберутся. А мы отдохнем».

Вот и вся Соня в этом. Видит, что я не справляюсь и тут же бросается на помощь. За это ее и обожаю. Что удивительно, про меня она говорит то же самое. Мол, мы идентичны в своих поступках.

Не знаю. Может быть. Все это идет от души, поэтому, кажется естественным.

– С чего ты взяла? – возвращаюсь к беседе.

– Ты побледнела, когда вы стояли вместе.

– Ты следила?

– Юль, как только машина Давида въехала в ворота, за ним только что слепой не следил, – выдает подруга и тут же оправдывается. – Но я не специально, просто пыталась понять, почему все дамы так взбудоражились.

– А они взбудоражились? – хмыкаю, приподнимая бровь. Вдруг удастся сменить тему?

– Как пчелы разжужжались, – отмахивается Соня и возвращается к первоначальному вопросу. – Ну, обидел?

– Нет, – говорю чистую правду. Обидел Цикал меня не се-

годня, а много лет назад. Но... мы же не об этом разговаривали, потому поясняю касательно недавнего случая, – просто за Амину испугалась. Она носилась как ураган, не глядя по сторонам.

– Честно?

– Конечно.

– Фух, ну и прекрасно. Я боялась, что вы не поладите, а это стало бы ужасом-ужасом, – прилетает совсем уж странное.

– Не поняла, – озвучиваю недоумение, обнимая саму себя за плечи.

Вдруг становится слегка прохладно. И это явно не связано с погодой. Солнце все также отлично припекает. А вот предчувствие...

Логика подруги часто вводит в ступор, а прекрасно зная ее неугомонную натуру... в общем, даже страшусь предположить, что она выдаст через секунду.

– Юльчик, я тебе не говорила раньше, так как не знала, согласится ли Давид... Точнее даже не так, сможет ли он вовремя прилететь... – начинает Гроссо, взмахнув импульсивно ладошками, а затем бездумно растирает ими колени.

И я уже не сомневаюсь: эта хитрая лисица нервничает. Однозначно!

– Та-а-ак, давай-ка с начала и по порядку, – скрещиваю руки на груди и указываю на бутылку, чтобы уже разливала «успокоительное». Может, хоть так дело пойдет быстрее, хотя... – А тебе точно это можно?

Киваю на пузатую тару из темно-коричневого стекла.

– Глоточек – да, остальное для тебя.

– Подмазываешься заранее?

Смеюсь. Мы обе знаем, что я такая же выпивоха, как и она. Бокал – это максимум.

– Чуть-чуть, – не стесняется подружка.

– Ну-ну.

– Давид улетел из страны семь лет назад. Ты же это помнишь? – начинает Соня, справившись с задачей и дождавшись, когда я попробую шипучку.

Даже лучше, чем ты думаешь, отвечаю мысленно.

– Угу, – произношу вслух.

– Так вот. Они же с Алексом всегда были как братья. Вместе с детства. Не разлей вода. А тут Дав пропал на столько лет. Отдалился совсем. Ушел в бизнес с головой. А я же вижу, что мужу его не хватает. Вот и решила сделать сюрприз. Связалась с Цикал и настоятельно предложила ему стать крестным близнецов.

ЧТО?

Воплю мысленно.

Давида в крестные моим будущим крестникам?

Да ну нафиг!

Это точно сюрприз для Алекса?

Потому что в шоке пребывает явно не он, а я.

– Угу, – озвучиваю через силу, что услышала.

Сама же сдерживаю эмоции и очень аккуратно опускаю

бокал на парапет.

Меня штормит.

От греха подальше прячу руки за спиной, чтобы случайно не цапнуть хрусталь и не спустить пар битьем посуды. Уверена, Соня не оценит.

Удивится уж точно.

– Прости, что не сказала раньше. Дав только вчера мне позвонил и подтвердил, что вылетает в Россию, – тараторит подружка, а я себя совой чувствую, которая огромными глазами хлопает.

Или нет, филином.

Он же там угукает.

Вот и я, как он.

– Угу, – произношу вновь.

Мы с Соней как-то не обсуждали вопрос, кто будет крестным. Мне, в принципе, было параллельно. Главное, что я участвую.

А тут... Цикал.

– Юльчиик, я очень рада, что вы с ним не поругались. Потому что крестная мама и крестный папа должны дружить, – выдает чудо-подружка, сияя счастливой улыбкой.

Твою ж...

– Угу, – добиваю коронным словом саму себя.

– Ты же не против? – и столько надежды в глазах.

ЧЕСТНО?

Прикусываю щеку изнутри, проглатывая правду.

– Угу.

Господи, дай мне сил пережить службу в церкви...

– Подожди, Юль, так если проблема не с Цикалом, тогда с Владом? Он сегодня странный немного. Нервный что ли. А, может, показалось? – размышляет вслух Соня, пока я стараюсь вернуть себе самообладание.

Всё же подружка действительно умудрилась сделать сюрприз. Сногшибательный. Причем, не только мужу.

Я тоже оценила. До сих пор поджилки дрожат, а сама нервно оглядываюсь, чтобы удостовериться, что Давид не приближается к моему кудрявому сокровищу, а неизменно обитает рядом с Алексом и его матерью Еленой Валентиновной.

Нет, я не слепая, вижу, как время от времени он залипает на дочери, жадно пожирая ее темными глазами, и о чем-то усиленно думает. Но, слава Богу, на этом останавливается, попыток сблизиться не предпринимает.

Явно выжидает. Дает передышку. Не знаю, себе ли, мне? Не столь важно.

Главное, он дарит паузу, которая мне необходима, как воздух, чтобы свыкнуться с нашей внезапной встречей и морально подготовиться к следующей. А то, что она непременно будет, к бабке не ходи, и так все ясно, как день.

Давид – не слепой и не глупец, почти сразу заподозрил, что Амина может быть его дочерью, а, может, даже уже уверен в этом. Слишком яркая у них родовая метка на руке. Особенная. Вот же, Судьба – шутница.

Хотя, зная его принципиальность и жесткую политику верить только доказанным фактам, не удивлюсь, что он настаивает на прохождении ДНК-теста.

В то, что просто отступится – не верю ни на миг. Пусть мы были знакомы в прошлом всего ничего, но его горячее желание иметь детей и создать большую семью помню, как сейчас.

Чего стоит его трепетное отношение к младшей сестре, пусть и единокровной. Да он трясся над ней пуще родного отца, защищал ото всех, даже от самого близкого друга, хотя эта стерва заслуживала наказания. Скольким она жизнь испортила, дрянь, не сосчитать. Хорошо Алекс заставил Давида убрать ее из страны, только Карина и из-за границы умудрилась нагадить.

Хватит, успокаиваю себя, теперь это в прошлом. Не хочу вспоминать о «великом и могучем» семействе Цикал, разрушившем мне жизнь, но и сделавшем сильнее.

А Давид...

Положа руку на сердце, естественно я допускала мысль, что мы с ним когда-нибудь столкнемся, учитывая, что этот город близок ему также, как и мне, если, конечно, в прошлом он не врал. Тут он родился, жил, учился, развивал бизнес,

тут похоронена его мать. Да и наличие общих друзей, от которых ни он, ни я не собирались отказываться, увеличивал шансы на встречу.

К тому же, я не пряталась, не пыталась скрыться или переехать. Мне не за что было стыдиться, чтобы исчезать бесследно на обширных просторах России.

И всё же... Всё же...

С каждым прожитым годом я все меньше верила, что наши дороги пересекутся повторно. Однако, пословица «Земля круглая, за углом встретишься» оказалась жизнеспособной.

Стоило расслабиться, как...

– Милая, если нужна помощь какая... Ты же знаешь, я всегда готова. И Алекс тоже, – продолжает подруга, положив свою ладошку поверх моей.

– Сонечка, все хорошо, – заверяю ее в несусветной глупости, пододвигаюсь ближе и, чувствуя потребность в объятиях, опускаю голову на хрупкое плечо.

Не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы не она и ее муж. И даже представлять не хочу. Потому что они оба – моя поддержка и опора, а еще светлый лучик в темном царстве. Потому что, глядя на их любовь, нежность, преданность и заботу по отношению друг к другу, я не зачерствела внутренне, обозлившись на весь мужской род, а просто приняла как факт, что Давид не был моим человеком. Но тот, конечно же, где-то есть, и мы непременно с ним когда-нибудь встре-

тимся.

– У Влада серьезная сделка на носу, вот он и нервничает немного. Не обращай внимания, – перевожу разговор в безопасное русло.

Зубков вообще по жизни слегка дерганый, и я к этому привыкла. Он не умеет сидеть на одном месте, всегда куда-то торопится, спешит, с кем-то созванивается, переписывается, фонтанирует идеями, торопится жить и всем этим явно уравнивает мой намного более спокойный характер.

Спокойный...

Ага, особенно сегодня, когда чуть не подпрыгнула от страха на метр в высоту.

Ладно, забыли...

– Поэтому он сбежал в воскресенье, оставив тебя у нас одну? – ворчит подружка. – Сам же говорил, что будет счастлив здесь присутствовать.

Нелюбовь Сони к Зубкову для меня не секрет. Знаю, она переживает и хочет, как лучше. За это люблю ее еще больше.

– Не одну, а с Аминой, – улыбаюсь заботе, чувствуя, как на сердце становится теплее.

Когда Гроссо узнала, что я беременна и собираюсь рожать и воспитывать ребенка одна, она не отвернулась от меня, как сделали многие. Наоборот, стала опекать пуще прежнего, не поверила гнусным слухам и сплетням и ни разу не завела разговора, чтобы узнать про отца ребенка.

Она безоговорочно приняла мою сторону, защищая, как

львица, и оберегая.

– Пусть так, хотя, как по мне, кроме его теплого отношения к моей крестнице, особых достоинств я в нем так и не заметила. Станный, скользкий тип, – фыркает Соня и тут же прикусывает язык. – Прости. Вы с ним слишком разные.

– Знаю, – совершенно не обижаюсь на правду.

– Надеюсь, ты это ответила на реплику «слишком разные», а не «странный и скользкий»? – ворчит близкий человек.

– Сонь, он нормальный, – пожимаю плечами, – просто гиперактивный и деятельный.

– Ты уверена, что хочешь за него замуж?

– Нет.

Отвечаю честно и тут же чувствую, как напрягается плечо, к которому прислонилась. Что ж, я шокировала подружку.

Не знаю, шампанское ли тому виной или внезапная встреча с Цикалом, но ответ слетел с губ раньше, чем успела подумать.

Хотя совсем не жалею. Все равно дальше Сони это не уйдет.

– Зачем же приняла кольцо? – София перехватывает обе мои ладони, поворачиваясь лицом к лицу, и заглядывает в глаза.

– Он так мило настаивал, да и обещал, что не станет торопить с браком, – объясняю смысл поступка, – сказал, кольцо на моем пальце его значительно успокоит. Вот я и согласи-

лась.

– Юльчик-Юльчик, ты слишком добрая и боишься обидеть других, а они этим бессовестно пользуются.

Пыхтит недовольно Гроссо, а я улыбаюсь. Заботливая моя.

– Ну, Сонь, – стараюсь разрядить обстановку.

– Что Сонь? Вот честно, мне этот Зубков совершенно не нравится. Только не обижайся.

– Вот уж ни за что. Мне твое мнение важно. Не переживай, пойдем лучше моих будущих крестников потискаем. Судя по звучной двухголосой сирене, они оба проснулись.

Глава 4

ЮЛЯ

– Привет, пчёлка! Ты еще дома? Успеваю заскочить в гости на утренний кофе? Или уже на всех парах мчишься в студию творить красоту?

– Привет, Влад, – улыбаюсь, услышав бодрый голос жениха во вторник утром. – Пока дома, еще полчаса точно. Мой первый клиент подъедет лишь к одиннадцати.

– Отлично, тогда через семь минут увидимся, – летит в трубку, и соединение тут же разрывается.

М-да, Зубков как обычно не тратит время на пустые разговоры. Общается предельно лаконично и четко по делу.

Может, именно поэтому я никак не могу с ним раскрыться и раскрепоститься, снять заслон с чувств? Пустить его в сердце. Довериться и, наконец, попробовать создать семью. Слишком он торопится, за что бы не брался. Словно живет по графику, боясь из него выбиться и прогореть.

Даже наши личные отношения порой смахивают на сделку, которую он стремится поскорее повернуть, как будто она сулит ему некую прибыль.

Только вот какая ему от меня польза?

Бред же!

Фыркаю на пришедшие в голову смешные мысли.

Я – обычная мелкая предпринимательница, когда-то по-

лучившая высшее образование по направлению «Экономика и финансы», но так и не нашедшая себя в этой отрасли.

Потому махнула рукой, спрятала диплом в шкаф и прошла несколько различных курсов по парикмахерскому делу, фэшн-стилю и визажу. В общем, всему тому, к чему всегда лежала душа, но осуждала прагматичная часть натуры.

Со временем даже сумела себя неплохо зарекомендовать в выбранной сфере и волей случая наработала клиентскую базу не из самых простых смертных нашего города. Чуть позже, скрепя сердце и перекрестившись, открыла небольшой собственный салон, благодаря которому так быстро сдружилась с Соней.

И до сих пор занимаюсь любимым делом. Пусть не ворожаю миллионами, но на вполне сытую жизнь нам с Аминой хватает.

На этом всё.

Обычная тридцатидвухлетняя симпатичная баба с ребенком, каких тысячи.

Влад же – видный мужчина. Высокий, лощеный, стильный.

Я бы даже сказала смазливый.

Вот почему-то определение «симпатичный» или «красивый» ему откровенно не подходит.

Может, из-за смуглой кожи и светло-серых глаз, создающих странное сочетание, или из-за длинноватых выующихся смоляных волос, которые он ежедневно укладывает с помо-

щью геля.

Не могу сказать точно.

К тому же состоятелен. Имеет собственный бизнес, занимается поставкой какого-то специального дорогостоящего оборудования для ночных клубов. И, если судить по брендовым аксессуарам и недавно приобретенной навороченной иномарке, финансовых проблем явно не испытывает.

Собственная квартира в городе тоже есть.

Живет один.

О последнем, правда, знаю только со слов самого Влада, так как за пару месяцев общения еще ни разу в гостях у него не побывала.

Не то чтобы жених не приглашал, скорее удивительным образом складывались обстоятельства: дела оказывались либо у него, либо у меня. И чаще мы где-нибудь просто гуляли, практически всегда втроем с Аминой, после ужина в кафе или у нас с дочкой дома и... расставались до нового «свидания».

На ночь мужчина у меня не оставался. Я не спешила предлагать, считая этот шаг слишком важным.

Приглядывалась.

Да и если задуматься, Влад сам никогда не настаивал, не форсировал события, не засиживался допоздна, не растягивал разговоры до полуночи, дожидаясь, что Амина уснет и не сможет помешать взрослым, а прощался и убегал раньше, чем я начну задумываться о чем-то более серьезном.

Понятное дело, почему Соня в воскресенье завела разговор о Владе.

Она переживала.

Мы с Зубковым не горели, находясь вместе. Между нами не проскакивали искры при касании друг к другу, не вспыхивала страсть, стоило пересечься взглядам, не тянуло отключить мозг и броситься в омут с головой. Тело меня не предавало, а жило своей обычной повседневной жизнью.

Конечно же мы не держались за руки, как пионеры. Были и поцелуи, были и объятия.

Ни раз.

Приятные. Согревающие, но не разжигающие огонь в крови, не будоражащие воображение, не заставляющие мечтательно закрывать глаза, представляя совместную жизнь через двадцать лет в кругу детей и внуков.

И это меня до странного радовало. Потому что повтора урагана чувств, того, который кружил голову, когда мы были вместе с Цикалом, я боялась, как огня.

Вот уж когда тело и разум не дружили. Точнее, очень даже дружили... против всего рационального. И концентрировались лишь на объекте страсти. На мужчине, кроме которого других никого не замечала. Любила одного-единственного до умопомрачения.

Он был моим центром вселенной. Моим всем. За ним я следовала с закрытыми глазами, ему доверяла, его боготворила, уважала и ценила. И несмотря на то, как ужасно мы

расстались, ни секунды не жалею о том, что он был в моей жизни.

А Амина является ничем иным, как плодом нашей любви... даже если Цикал решит думать по-другому.

– А вот и я, пчелка, – Влад скидывает в прихожей обувь, вскользь чмокая меня в щеку, и уверенно устремляется в сторону кухни. – Заметь, почти точен как швейцарские часы. Всего восемь минут прошло со звонка.

– Отлично, – привычно улыбаюсь и киваю в стороны ванной комнаты, – мой руки, кофе почти готов. Сделать бутербродов?

– Не откажусь. Я с семи на ногах, проголодался.

– Может, что посущественнее? – прикидываю, что на скорую руку яичницу сварганить успеваю.

– Не парься, у меня через пару часов встреча в «Меркурии», там и пообедаю.

Влад усаживается на угловой диванчик, вытягивая длинные ноги. От этого моя семиметровая кухня резко уменьшается в размерах.

– Ладно.

Киваю, совершенно не настаивая.

Зубков парень взрослый, на два года старше меня, так что разберется сам со своими потребностями.

– Ты просто так заскочил или хотел что-то обсудить? – уточняю, выставив на стол тарелки с угощением и белую пузатую чашку с кофе. Крепким, без сахара, как он любит.

Сама по привычке остаюсь стоять, упираясь попой в подоконник.

Мне так удобно.

Я, наверное, и эту квартиру, что осталась от мамочки, не решилась менять именно из-за подоконников. Широких, комфортных, любимых с детства.

Сколько времени я проводила, сидя на них и читая, вместо того, чтобы идти гулять с подружками, не сосчитать.

Вот и теперь иногда поздними вечерами, когда Амина сладко сопит в кроватке, а меня одолевает бессонница, я сижу тут и молча люблюсь звездным небом. И непременно грею руки о чашку с любимым напитком.

Кофе.

Я его обожаю.

Пью и утром, и днем, и вечером, не понимая, как им можно пресытиться. Он же такой яркий, насыщенный, а главное, каждый раз разный.

Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох. Сегодня приготвила из колумбийских зерен средней прожарки с легким ароматом шоколада. И свою порцию чуть разбавила молоком.

М-м-м, прелесть.

Лишь однажды пришлось убрать это чудо от себя подальше. Во время беременности. Но, как только закончила кормить Амину грудью, тут же сходила в магазин и закупила не меньше десятка разных сортов, чтобы баловать себя разно-

образием.

– Да, хотел обсудить, – Влад быстро расправляется с предложенным угощением, сдвигает грязную посуду ближе к центру стола и, облокотившись локтями на каменную поверхность, скрещивает руки.

– Слушаю, – произношу, когда очередная длинная пауза и пристальный взгляд жениха заставляют помимо воли испытывать легкий дискомфорт.

Не люблю разглядываний в свой адрес. Да еще таких скрупулезных, словно букашку под микроскопом изучает.

– Ты говорила, что хочешь сменить помещение под свой салон. Подыскивала большую площадь. Так?

– Верно, – соглашаюсь и поясняю, – надумала взять еще одну помощницу, чтобы сгрузить с себя часть дел. Только для моей задумки рабочей зоны в «Приме» маловато.

– Отлично, – растягивает губы в улыбке Влад. – У меня есть подходящий для тебя вариант. Приятель переезжает, торопится. Деньги нужны срочно. Поэтому готов уступить офисное помещение по дешевке. Покажет в любое удобное время. Согласна?

– Э-ээ, да. Я бы посмотрела... – выдаю, чуть растягивая слова.

До сих пор никогда не действовала впопыхах, не принимала решений на скорую руку. Вот и сейчас слегка подзависла, когда Зубков принес решение на тарелочке с голубой каемочкой.

Я действительно рассматривала варианты, чтобы слегка расширить площадь студии красоты. Но не сказать, чтобы торопилась. Деньги на это были накоплены, лежали в банке под процентом. Просто сама по себе я не являлась торопыгой и уверенно считала, что каждая бумажка должна вылежаться, а с каждой идеей нужно переспать ночь, чтобы с утра на свежую голову понять, что она стоит, чтобы ее реализовать.

– Отлично, – повторяется Влад и звонко хлопает в ладоши, заставляя меня вздрогнуть.

Его улыбка настолько широка, что в голове помимо воли вновь крутится шальная мысль, будто жених не мне отличный вариант предлагает, а сам в сделке участвует. И почти провернул ее с огромной для себя выгодой.

Вот же глупости, одергиваю себя.

Просто он за меня радуется, что нашел способ помочь.

– Тогда я договариваюсь в Кузей на утро пятницы. Он как раз вернется из командировки, – делится планами Влад.

– Нет, – тут же даю отбой, – забыл, что в этот день крестины?

– Черт! – улыбка на скуластом лице жениха тает, но спустя мгновение возвращается. – Значит, к вечеру посмотришь?

Старается сделать умильное лицо, чтобы уговорить.

Может, действительно, так за друга радуется?

Только вот я же еще даже ничего не видела, да и думать буду не пять минут...

– Извини, Влад, не буду обещать. Скорее всего мы с Ами-

ной задержимся у Гроссо допоздна, так как после возвращения из церкви будет застолье для самых близких. Да и дочка рано от друзей уйти не захочет...

– Фигово, Юль.

– Ты же знаешь Амину, – пожимаю плечами, хотя в душе совершенно не расстроена, что буду у своих друзей. У них всегда очень уютно и тепло в доме. – Кстати, ты тоже приглашен.

Грожу пальчиком, смягчая отказ улыбкой.

– Да, помню. Но тоже ничего не обещаю. Сделка на носу, а поставщик кочевряжится.

Влад покидает квартиру практически сразу, как мы заканчиваем разговор.

Подождать, пока я вымою пару чашек и протру от крошек стол, чтобы спуститься вместе вниз до парковки и там расстаться, для него не вариант. Он вновь спешит, потому что поступил какой-то важный звонок, которого он очень ждал. И значит, ему пора мчаться решать важные дела.

Понимаю. И не обижаюсь.

Провожая мужчину до двери. Вновь подставляю лицо, когда он ко мне наклоняется, получаю смазанный поцелуй в щеку и, улыбаясь, желаю хорошего дня.

Закрываю за гостем дверь с каким-то странным легким удовольствием. И совершенно не испытываю разочарования,

что мы не провели вместе лишние десять минут.

Да, не оговорилась, за гостем.

Почему-то в этот момент совсем не хочется называть Зубкова женихом.

Жених – тот, кто собирается жениться, взять на себя ответственность, и имеет счастливый вид, как говорит толковый словарь.

Я же не вижу на лице Влада счастья.

Естественно, он улыбается, когда мы встречаемся, шутит, излучает позитив. Но все это не то. Его отношение ко мне не пропитано возвышенными чувствами.

Да и мое тоже.

Мы – не влюбленные, мы, скорее, хорошие приятели, которым вместе удобно и легко, но при этом мы вполне можем существовать отдельно и не пересекаться – не созваниваться по несколько дней.

Да далеко ходить не надо. Взять, к примеру, ближайшие дни. Влад уехал с праздника в доме Гроссо в обед в воскресенье, а сегодня уже вторник. И между этими двумя датами мы с ним даже ни разу не созвонились.

Ему, наверное, было некогда, а у меня отсутствовала потребность. Если уж быть с собой совсем откровенной, не набеги сегодня меня Зубков и не напросись в гости, не знаю, когда бы сама о нем вспомнила.

И, если раньше я думала, что проблема лишь во мне. Это я – холодная, малоэмоциональная и закрытая. То, приглядев-

шись сегодня к Владу, впервые задумалась, а ведь и он такой же, как я.

Мы будто две мороженные рыбы, которые только изображают радость при виде друг друга, но не испытывают ее на самом деле, но почему-то согласились оформить отношения. Будто наивно надеемся, что после этого станем друг другу ближе.

Но ведь это же маразм.

Штамп в паспорте не сделает нас роднее. Мы не проснемся на следующее после росписи утро безумно влюбленными. Наши сердца не запоют, не застучат в такт, а жизнь не превратится в сказку по мановению волшебной палочки.

Мы останемся прежними.

Холодными. Безразличными. Далекими друг от друга пусть не физически, но эмоционально. Чужаками, связанными никому не нужным союзом.

И теперь мне уже не кажется, что я поторопилась, согласившись надеть кольцо Влада.

Я в этом уверена на все сто процентов.

Кольцо Зубкова не для меня. Оно должно принадлежать той девушке, при виде которой его глаза начнут сиять, голос пропадать, сердце частить, а дыхание срываться.

Каждый человек достоин счастья в жизни.

И моя задача, убедить в этом Влада. Он не должен совершать ради меня ошибку. Я – не его судьба.

А он – не моя.

Я знаю, о чем говорю.

Я знаю, что испытывает человек, который по-настоящему любит.

Я знаю, как ощущает себя влюбленный. Как горит, как стремится к объекту своей страсти каждую минуту.

Я знаю, потому что всё это было в моей жизни.

Когда-то... в прошлом.

Но важно не это, а другое... нельзя подменять понятия. Нельзя заставлять себя любить по указке. Это не только не поможет, это разрушит даже ту малость, что раньше объединяла.

Глава 5

ЮЛЯ

На работу приезжаю без опозданий. Паркуюсь на привычном месте в торце небольшого ТЦ, где выкупила помещение под салон, подхватываю сумку-портфель и, цокая каблучками, устремлюсь ко входу.

Летняя жара аккуратно обволакивает тело, но я к ней настолько привыкла, что совершенно не замечаю. К тому же набежавший морской бриз отлично освежает, развевая свободно струящиеся по плечам волосы, и играючи подкидывает вверх широкий подол белоснежного легкого платья-сарafана.

Шалун.

Поправляю солнцезащитные очки и улыбаюсь. Просто потому, что мне хорошо.

Я обожаю лето, именно такую погоду и город, в котором родилась и выросла. Сколько себя помню, в голове ни разу не возникало мысли, чтобы его покинуть и переехать куда-то еще.

Поздоровавшись с помощницами, которые с девяти утра втянулись в рабочий процесс, устраиваюсь за небольшим компьютерным столиком и включаю ноутбук. До прихода клиентки, пожелавшей, чтобы ею занималась именно я, хотя мои девочки – все без исключения зачетные мастера, есть

еще немного времени.

Привычные действия не напрягают, оперативно успеваю просмотреть пришедшие от поставщиков счета, оплатить их и попутно внести информацию в программу отчетности.

Вот уж чему меня научила вышка, так это не раскидываться знаниями и заработанными средствами. Потому свою бухгалтерию веду сама, благо все это теперь довольно легко и доступно. Огромное спасибо веку глобальной компьютеризации и информационным технологиям.

Работа с цифрами плавно сменяется творческим процессом, и я с головой погружаюсь в создание шикарного образа роковой красотки в стиле ретро, о котором меня попросила клиентка. Оказывается, жених пригласил ее сегодня в лучший ресторан города, где намеревается сделать предложение.

Вот и она тоже решила его удивить.

Улыбаюсь, когда слегка волнуясь из-за предстоящего события женщина наконец замечает себя в зеркале. А также работу моих рук.

Преображение явно удалось. Клиентка замирает, прикрыв рот ладошкой, и часто моргает, чтобы не испортить макияж неожиданными слезами. Ей понравился результат, чему я очень рада. Хотя по-другому и быть не могло – женщина сама по себе очень красива, мне лишь посчастливилось подчеркнуть ее достоинства.

– Вы волшебница, – оживает она спустя долгие минуты

молчания.

А я лишь весело киваю. Отчего-то многие меня так называют.

В три часа делаю перерыв. Варю себе чашечку кофе в установленной на маленьком кухонном островке кофемашине, ее я приобрела сюда раньше, чем все остальное оборудование, и вновь возвращаюсь к ноутбуку.

Чтобы держать «Приму» на пике популярности и выдерживать высочайший уровень сервиса, я непрестанно мониторию и отслеживаю все новые веяния в мире красоты и ухода за лицом и телом.

Вот и сегодня одна из клиенток обмолвилась, что ее подруге в Москве сделали какую-то «супер-обалденную» комплексную маску «Зеленый спа-микс», после которой та буквально на глазах помолодела на десяток лет. И она тоже о такой мечтает.

– Я очень и очень расстроюсь, Юлечка, если такое чудо в ближайшем будущем не появится у вас. Вы же лучшие в городе, иначе я бы не пришла, – заявляет она с апломбом.

Что ж, расстраивать клиенту, а особенно постоянную и не жалеющую на себя средств, не в моих интересах. Успокаиваю ее обещанием сделать все для удовлетворения ее потребностей и сажусь за изучение вопроса.

Только и успеваю, что открыть несколько вкладок и наметить полезные статьи, как меня привлекает странная тишина, установившаяся в салоне. Это настолько же неестествен-

но, как гром среди ясного неба.

Обычно помимо легкой ненавязчивой музыки, что звучит из нескольких колонок, расположенных по залу, непременно кто-нибудь разговаривает, часто раздается звонкий щебет, иногда смех, какие-то возгласы или эмоциональные реплики.

Общительные клиентки любят делиться наболевшим, чем-то значимым или волнующим, да и мои девочки не устают шутить, рассказывать курьезные случаи из личного опыта или последние сплетни.

Но чтобы настала тишина, Боже упаси.

Заинтересовавшись, выбираюсь из своего закутка и выхожу в общий зал.

На первый взгляд, всё, как всегда. Только вот и работники, и клиентки заняты не привычными делами, а сосредоточенно наблюдают за чем-то происходящим на улице через стеклянные стены салона.

А, нет. Не за чем-то.

А за кем-то.

Прямо напротив моей «Примы» параллельно друг другу остановились три черных блестящих гелика. И из обеих крайних машин высыпали мужчины. Те, про которых обычно говорят: косая сажень в плечах, и кто даже в сорокоградусную жару умеет носить белые рубашки и черные классические костюмы с такой легкостью и непринужденностью, будто в их тела вмонтированы переносные кондёры.

– Вау, вот это няшки, – сглатывает Альбина, хлопнув покрашенными километровыми ресничками, забыв, что до этой минуты собиралась работать ножницами.

Те так и зависли в опасной близости над головой клиентки. Но девушка этого совершенно не замечает.

– Беру оптом двух крайних слева, – вторит ей посетительница с пышными формами, которой Марина начала делать розовое омбре.

– А мне блондина упакуйте. Уииии... конфетка...

– Нет, мне! У тебя, Жанка, муж есть...

– С ума сошла, Мил? Нашла про кого вспоминать...

Отвлекаясь от происходящего на улице и, сложив руки на груди, весло наблюдаю за разжижением мозга у перевозбужденных девчонок.

Вот это шоу! Хоть бери телефон и снимай видео, чтобы потом вместе смотреть и смеяться.

– Ой, нет, я передумала. Милка, забирай блондина себе, я ЭТОГО ХОЧУУУУ... – выдыхает томно Жанка, у которой есть муж. – О, Боже, какой мужчина...

Ну нифига ж себе! Фыркаю, уже не сдерживая смеха.

Да она практически стонет.

Не справляюсь с любопытством и вновь выглядываю на улицу. Прелесть моего салона в том, что стены-то пусть и стеклянные, но в то же время покрыты зеркальной пленкой. То есть это мы видим тех, кто пребывает на свежем воздухе, а они нас нет.

Правда, когда я наталкиваюсь на жесткий, до боли знакомый темно-карий слегка прищуренный взгляд, который словно в душу мне заглядывает, эта уверенность пропадает.

И улыбка тает.

Господи, что он тут делает?

На этот вопрос ответ получаю очень скоро.

– Юлия Леонидовна, добрый день, – один из бравых ребята, сопровождающих Цикала, резво поднимается по ступеням и, распахнув дверь, бодрой походкой входит в салон.

Чтобы осмотреться, ему требуется не больше пары секунд. Чтобы из стайки девушек выцепить нужную, а именно меня, мгновение.

Ему хорошо знакома моя внешность, делаю вывод. И с каким-то феноменальным спокойствием понимаю, что это даже не удивляет.

Люди, работающие на Цикала, не важно, старшего или младшего, как показывает наблюдение, все поголовно отлично знают своё дело и действуют четко, грамотно и профессионально.

– Давид Дамирович приглашает Вас для разговора, – ровно произносит посланник, остановившись в паре шагов от меня.

Слаженные «Ах!», «Ммм!» и «Вау!» от девчонок он пропускает мимо ушей с такой непосредственностью и непроби-

ваемостью, будто и этому обучался наравне с физподготовкой.

Хотя, почему бы нет?

Кто знает, чему именно учат личных телохранителей, прежде чем допускают к бесценным объектам.

– Добрый день, – отвечаю ровно.

Вежливость еще никто не отменял.

Краем глаза фиксирую, как весь женский коллектив подобрался, и замер, не дыша, и всё лишь для того, чтобы не пропустить ни слова из нашего с мужчиной разговора.

– Я могу отказаться? – закидываю удочку и перевожу взгляд с широкоплечей фигуры передо мной на того, кто организовал всё это представление.

Давид так и стоит у машины, расслабленный и спокойный, как удав. В отличие от одинаковых «мальчиков» он без пиджака. Рукава белоснежной рубашки небрежно закатаны до локтей, обнажая сильные загорелые руки и часы, циферблат которых сверкает, отражая солнечные лучи.

Уверена, это скелетоны на кожаном ремешке. Именно такие он носил семь лет назад.

– А оно Вам надо, Юлия Леонидовна?

Отвечает негромко вопросом на вопрос мужчина. Чисто выбритое лицо бесстрастно, лишь где-то в глубине глаз вспыхивает, но тут же гаснет лукавая искорка.

И правда, чего это я?

Когда бы Давид отступал, если принял решение?

Думаю, таких случаев на его памяти не проскальзывало, а если вдруг и были, то их легко удалось бы пересчитать по пальцам одной руки.

Что ж. Если подумать, развернуться и уйти я всегда успею. Да и желания устраивать концерты нет и в помине. А вот зрителей тут много.

Значит, выйти и выслушать Цикала все же придется.

– Хорошо, я только захвачу сумку, – киваю мужчине.

Возвращаясь к своему рабочему месту, закрываю крышку ноутбука, достаю из шкафа портфель и меняю шлепанцы на танкетке, в которых хожу на работе из-за их удобства, на уличные лодочки.

– Альбина, Марина, закроете всё сами. Я сегодня уже не вернусь, – стараясь не выказывать никаких эмоций, отдаю распоряжение девчонкам. Знаю, они у меня умницы, не подведут и сделают все, как положено. – Если вдруг появится что-то неотложное, я на телефоне.

– Конечно, Юль. Мы все сделаем, – слышу в ответ.

– Тогда до завтра, – подмигиваю и устремляюсь к выходу.

Мужчина, как настоящий джентльмен, придерживает мне дверь и, все также игнорируя охи и ахи, покидает салон.

От входа до машины, где стоит Цикал, каких-то жалких семь метров. Или около того. Мне же кажется, будто я преодолеваю дистанцию никак не меньше сотни метров.

И на всем протяжении меня сверлят десятки внимательных глаз. Сзади – любопытные девчонки, впереди – Он и его

всевидящая свита.

Так, Котова, не дрейфь, командую себе, потому что всё тело вибрирует от напряжения, а вместо позвоночника, кажется, заледенел кол. Ощущение, будто я не иду, а с трудом пробираюсь сквозь тягучую субстанцию. Еще и ноги, заразы, подкашиваются, норовя подвернуться или запутаться.

И во всем этом виноват тот, кто стоит прямо по курсу и прожигает меня жгучим взглядом своих темных глаз. Без улыбки, но и без недовольства.

– Здравствуй, Юля, – произносит Давид первым, когда я приближаюсь. Голос глубокий, но ровный, нисколько не выдающий эмоций, которые испытывает его хозяин, – рад, что ты согласилась со мной встретиться.

– Здравствуй, – отвечаю кратко.

Говорить о собственной радости желания нет.

Не люблю врать.

– Забирайся, – Цикал распахивает заднюю дверь гелика, не сомневаясь, что я тут же выполню его пожелание.

Остаюсь на месте.

Умом понимаю, что уже согласилась, что разговора нам по-любому не избежать. Он нужен не только ему, но и мне.

Отбросив обиды и негатив прошлого, отменить то, что Давид – отец моей дочери я не имею права. А если взять в расчет то, что кроме меня у моего золотка больше нет родственников, на которых она могла бы положиться, если со мной что-то случится... нет, я не могу отказаться от разговора.

И всё же...

Сидеть вдвоем на заднем сидении авто – слишком сложно. Мало пространства. Довольно уединенно. Не уверена, что готова к этому.

– Мы могли бы поговорить в парке, – киваю в сторону небольшого зеленого сквера на противоположной стороне автострады.

А что? Хорошая идея, кстати.

– Шумно и слишком многолюдно. У меня есть другое предложение, – качает головой Давид, но большего не озвучивает.

Он так и стоит у распахнутой двери, ожидая моих действий.

– Я хотела бы поехать на собственной машине, – очередная попытка проявить самостоятельность.

– А чем не устраивает моя? – густая черная бровь демонстративно медленно поднимается вверх, а в голосе явно слышится подначка. – Не доверяешь?

Хороший вопрос.

Вот только... говорить правду – глупость с моей стороны.

– В шесть я должна вернуться, – сдаюсь, понимая, что сама затягиваю встречу, а время и так не резиновое. – Мне дочь из сада забирать.

– Сделаем, – звучит уверенно.

И вот такой ответ, подразумевающий под собой «мы», а не «ты» напрягает.

Что же ты задумал, Давид?

Глава 6

ЮЛЯ

– Зачем мы здесь? – уточняю, повернувшись к Цикалу, когда машина паркуется возле дверей ювелирного салона.

Молодой охранник, тот что сидел на переднем пассажирском сидении, выходит на улицу и распахивает дверь с моей стороны, предлагая руку. Но я не двигаюсь с места, ожидая ответа от Давида.

За время поездки мы не перекинулись с ним ни словом. Он молчал, лишь время от времени прожигал меня нечитаемым взглядом.

Не видела, но чувствовала. Так с первого дня знакомства повелось. Стоило ему обратить на меня внимание, как по коже словно кисточкой кто-то проводил. А самообладание летело коту под хвост.

Так, ладно, не об этом сейчас.

А о тишине в поездке.

Раз Давид молчал, хотя был инициатором встречи, то уж я и подавно не издавала ни звука. Только бездумно пяtilась в окно, ничего в нем не замечая, и усердно старалась привести мысли в порядок.

А они, настырные, все бушевали и бушевали.

Вот вроде бы и в курсе уже была, что Давид вернулся и скорее всего захочет встретиться, чтобы поговорить об Ами-

не. Весь вечер воскресенья и понедельник занималась самоунижением, чтобы панику отринуть подальше и вести себя, как взрослая, уверенная в себе женщина, как мать, в конце концов.

А по итогу – всё без толку!

Мямля и трусиха. Стоило его увидеть, и вновь полный раздрай в душе. И никакие техники, никакие аутотренинги не помогают установить штиль.

Бес-по-лез-но.

Встречаюсь глазами с Цикалом и заставляю себя не опустить ресниц.

Мне действительно интересно, что он задумал.

– Мы же с тобой крестные, как никак, – произносит он неторопливо, скользя по моему лицу серьезным взглядом. – А значит, должны сделать близнецам Гроссо подарок.

Вот те на!

Настолько обыденный разговор из уст Давида кажется чем-то нереальным.

Моргаю раз. Другой.

Сглатываю.

– Но-о, я уже подготовилась, – выдаю в итоге и озадаченно пожимаю плечами.

Такого направления беседы точно не ожидала.

Даже напряжение само по себе рассеивается. Плечи расслабляются, и очень хочется весело хмыкнуть.

М-да, нервы-нервы.

– Как именно? – уточняет он, приподнимая бровь.

Неужели действительно интересно?

Ладно. Всё равно же сам скоро увидит.

– Купила крестильные полотенца в церковь, платье для Любы и костюм для Ильи. И каждому по серебряной ложечке.

Перечисляю, не торопясь.

– Молодец, – звучит уж совсем удивительное. Особенно оттого, что в голове не чувствуется привычной жесткости или пренебрежения. Наоборот, присутствует какая-то давно забытая мягкость, что ли. И следом, – поможешь тогда мне выбрать для малышей крестики?

– Я?

– Ага.

– Но...

– Пожалуйста, Юль. Я уверен в твоём безупречном вкусе. Это точно он сказал?

Может, глюк?

– Э-э-ээ, ладно.

Сдаюсь и позволяю охраннику помочь мне выбраться из высокой машины.

Огибаем с Давидом бронетанк с обеих сторон одновременно, но у входа меня пропускают вперед и даже дверь придерживают.

Мило, чего уж там.

И необычно. Отвыкла я от мужского внимания.

– Добрый день! – улыбочивые продавцы вытягиваются по струнке, стоит нам войти в помещение. Очень светлое из-за сотен огней, просторное, благодаря множеству зеркал, и прохладное, спасибо отличным кондиционерам.

– Давид Дамирович, мы Вас ждали. Меня зовут Милена. Я – старший консультант, – делает шаг вперед высокая фигуристая девушка. О том, что она занимает более высокую должность догадаться несложно. Об этом кричат и шикарный внешний вид, и гордо вздернутый вверх подбородок, и легкая надменность при взгляде на остальных работниц. – Проходите, пожалуйста, в кабинет. Сейчас подам чай, кофе. Может быть, желаете шампанского?

Ого! Вот это сервис.

Хмыкаю и стреляю глазами сначала на стройную блондинку, всеми фибрами души излучающую желание угодить Давиду Дамировичу... любым приятным ему способом, потом на Цикала, спокойно осматривающего... помещение.

И только его.

– Кофе будет в самый раз, – летит его прохладное распоряжение.

Да ладно!

Ему вообще пофиг, что девушка тут готова пластом расстелиться вместо красной ковровой дорожки и как золотая рыбка выполнить три любые желания?

Чувствую себя зрителем, наблюдающим за интерактивным представлением. Аж дух захватывает.

А ему точно пофиг.

– Пойдем, Юль, – Давид игнорирует все вербальные посылы красотки и слегка приобнимает меня за талию, показывая направление, куда нас пригласили, точнее его.

И вот тут-то, наконец, прихожу в себя.

Еще бы не прийти...

Широкая мужская ладонь пусть и касается моего тела через платье, но кажется безумно горячей. Мурашки тут же пробегают от поясницы до макушки. Стараясь не вздрогнуть, прикусываю губу и еще сильнее выпрямляю и так ровную спину.

Молчу и следую, куда он хочет.

– Эта сеть ювелирок досталась мне бонусом, когда вложился в золотой бизнес в Арабских Эмиратах, – склонившись к уху, негромко произносит Цикал, я же лишь приподнятыми бровями демонстрирую удивление.

Гостиничный бизнес, виноделие, автосалоны, теперь еще и драгметаллы.

Боже мой, не удивлюсь, если это не весь список его бизнес-увлечений.

Да уж, Котова, могла бы и кого попроще в отцы Амине найти.

Фыркаю мысленно.

И тут сама себе противоречу.

Нет, не могла. Моё бесценное сокровище могло родиться только от особенного мужчины. Семь лет назад Давид для

меня был именно таким.

– Юль, как тебе этот? – уточняет Давид, придвинув ко мне поближе коробочку с витым крестиком из платины.

Маленький. Изящный. Безумно красивый.

– Очень нравится. Уверена, Любашка, когда подрастет, оценит его истинную красоту, – киваю, слегка касаясь пальцами изумительной работы.

– Тогда, Милена, – обращается к старшему продавцу будущий крестный близнецов Гроссо, – этот отложите и принесите более строгие модели, которые подойдут для мальчика.

Мне нравится сидящий рядом со мной мужчина, признаюсь самой себе.

И не потому, что Цикал – это Цикал. Сто девяносто сантиметров воплощенного греха: начиная от консервативно подстриженных темных волос и заканчивая дорогущими итальянскими туфлями. Идеальный представитель сильной половины человечества, подавляющий внушительной фигурой и шириной плеч, даже сидя Давид габаритами превосходит меня раза в два, а также требовательным взглядом и сексуальной щетиной, что оттеняет его резко очерченный подбородок. Его лицо состоит из углов и граней, что делает красоту неоспоримой и немного хищной.

Но кроме внешних данных Цикал притягивает к себе уве-

ренностью, основательностью, харизмой, внутренним стержнем и постоянной сосредоточенностью. Неимоверно впечатляет, что он не кичится своим высоким положением, хозяин всё же, не выпячивает значимость, не старается сократить дистанцию с персоналом, переходя на личности.

Оно ему не надо.

К его негромкому бархатистому голосу и так прислушиваются все без исключения. Внимают каждому слову.

Он же выдерживает ровный тон. Хотя, нет-нет, но складывается ощущение, что со мной тот чуть более теплеет, на доли смягчается, не пойму, правда, с чего заслужила почести, с остальными слегка охладевает.

В небольшом кабинете площадью чуть больше восьми квадратных метров, куда нас проводили чуть раньше, большую часть места занимает кожаный угловой диван кофейного цвета и круглый столик с прозрачной столешницей из темного стекла.

В общем-то на этом вся мебель заканчивается, если не считать небольшой стойки в углу с огромным горшком, в котором растет фикус, дотягивающийся своими листьями почти до потолка.

Окон в помещении нет, стены защиты светлыми деревянными панелями и украшены парой ярких абстрактных картин, оттягивающих на себя часть внимания.

А вот чего в помещении много, так это светильников. Разных. Потолочных, настенных, вмонтированных в пол.

Но это естественно.

Ювелирные украшения следует преподносить потенциальным покупателям с умом. Чтобы те не просто радовали глаз своим изяществом, красотой и оригинальностью, а «играли», завораживали и очаровывали, преломляя световые лучи сотнями идеальных граней и заставляя ценителей приобретать их, не задумываясь о стоимости.

– Конечно, Давид Дамирович, одну минуту, – сияет широкой белоснежной улыбкой исполнительная блондинка.

Она единственная, кто находится с нами в этом кабинете. Охрана, заранее удостоверившись, что помещение свободно и безопасно, осталась в основном зале. Наверное, чтобы не мешать.

Хотя, думаю, Давид уже настолько к ним привык, что почти не замечает.

– Цепочки к крестикам будем подбирать? – уточняет консультант, внося несколько коробочек, которые явно до этой минуты не лежали на витрине в общем доступе.

Раскрыв футляры, чтобы продемонстрировать содержимое, Милена складывает руки в замок за спиной и отступает к стене, где застывает, ожидая нового распоряжения.

– Юля? – Цикал переадресует вопрос мне.

Вот даже как?

Получается, ему действительно интересно мое мнение?

Ладно, сейчас поделюсь им.

– Можно и цепочки, – произношу после паузы, слегка по-

жимая плечами.

Мол, если желаешь, я могу и их посмотреть.

– Но?

Да уж, Давид, как и в прежние времена, легко меня считывает. Не то я не научилась как следует прятать эмоции и так и осталась для него открытой книгой, не то он здорово поднаторел в физиогномике.

– У Амины вместо цепочки шелковый гайтан, – объясняю свою заминку. – Это более надежно для ребенка. Он прочный и в то же время мягкий. Что безопасно.

– Отлично, согласен. Мы сделаем также, – в голосе Давида ни грамма сомнений. Он принимает моё решение, как свое. Даже как будто одобрение проскальзывает.

Да ну, показалось, одергиваю себя.

И все же приятно. Как ни крути, приятно.

Оказывается, та молодая, наивная Юля, которая семь лет назад буквально заглядывала в рот Давида Цикала, постоянно ждала его одобрения и похвалы, считая его самого центром вселенной, а его слова – истиной в высшей инстанции, никуда за прошедшие годы не делась. Просто удачно спряталась где-то в глубине души.

И от этого становится неприятно.

Давид сделал мне больно, слишком больно, чтобы вот так взять и забыть о его предательстве. А иначе то, как он тогда поступил, назвать сложно.

В мыслях полный раздрай. Я бросаюсь из крайности в

крайность в своих эмоциях и ощущениях, не знаю, за что зацепиться и на что опереться.

Но вычлению главное: пусть сейчас мы вроде как сидим за одним столом и довольно ровно разговариваем, но это лишь поверхностное, цивилизованное поведение. Не больше.

Моя обида слишком сильна. И я не уверена, что смогу хоть когда-то забыть, как легко от меня отказались, от нас с дочерью.

– Любашке шелковый, а Илье подойдет кожаный, – с трудом растягиваю губы в улыбке, стараясь прогнать грустные мысли.

Не стоит сейчас поднимать со дна души всю горечь и уязвимость. Все-таки подарок моим крестникам выбираем.

– Идеальное решение, – осмеливается подать голос Милена, про которую я на время забыла. – Принесу подходящие варианты.

– Юля, всё в порядке? – Цикал игнорирует последнюю фразу блондинки и всем корпусом поворачивается в мою сторону, чтобы просверлить во мне дырку своими тёмными глазами.

Господи, ну вот как он все улавливает?

Радар что ли у него какой-то особенный установлен?

– Да, конечно, все в порядке, – намеренно избегаю острого взгляда и демонстративно внимательно осматриваю предложенные украшения для мальчиков. – Мне кажется, вот этот крестик хорош.

Пододвигаю крайнюю слева коробочку к мужчине, молясь про себя, чтобы он отвлекся на нее.

— Если нравится, значит, возьмем, — Давид даже не смотрит на то, что я предлагаю, зато на меня очень даже.

В какой-то момент его карий взгляд застывает на шее, спускается к горловине платья, а потом резко вскидывается вверх.

Не понимаю, что случилось. Скашиваю глаза, чтобы сообразить, что вызвало недоумение... и тут же краснею.

Упс!

Я совсем забыла про цепочку. Крученую золотую цепочку, которую на день рождения подарил мне Цикал.

Это было семь лет назад. Мы были знакомы всего неделю, только-только стали встречаться, и я очень удивилась, получив от него такой дорогой подарок. Пусть ему он казался пустячным, на меня же произвел неизгладимое впечатление.

В тот день я попросила Давида самого надеть мне украшение на шею и клятвенно пообещала, что никогда его не сниму.

Что ж, обещание я выполнила почти безукоризненно.

Цепочка до сих пор на положенном месте, а сняла я ее лишь однажды.

И то, как сняла? Просто расстегнула, чтобы кое-что повесить на нее вместо кулона.

— Ты сохранила мой подарок? — хриплые нотки в бархатном голосе заставляют волоски на коже встать дыбом.

Как бы не старалась, не могу быть к нему равнодушной.

– Я же давала слово, – заставляю поднять глаза и выдержать его взгляд.

Хватит прятаться, Котова, ты ни в чем не виновата.

Не была тогда, ни есть сейчас.

– А обещания я держать умею, – хмыкаю, невесело улыбнувшись.

Да, недолго продлилось перемирие.

– Это точно, – зеркалит мою мимику Давид и кивает. Не то мне, не то себе. – Когда-то ты пообещала, что пройдет время, и я пожалею, что был слепцом. Я не поверил... и зря. То твое обещание, Юля, тоже сбывается.

Глава 7

ЮЛЯ

– Мамочка, а мы пойдем сегодня в парк на площадку? – обогнав меня чуть вперед, но так и не выпуская ладонь из руки, уточняет Амина.

– А ты хочешь? – интересуюсь ее мнением.

Сколько себя помню, подруги у меня были всегда. И в детском саду, и в школе, и в университете. Обладая мягким и покладистым характером, я легко сходилась с людьми. Но при всем при этом доверительные отношения имела только с мамой.

Именно она была моим самым близким человеком. К ней я приходила со своими тайнами, переживаниями и страхами. С ней делилась чаяниями и мечтами, к ее мнению прислушивалась. Знала, мамочка не предаст, встанет на мою сторону. И всегда будет желать для меня только самого лучшего.

Потеряв ее, я потеряла не просто близкого, дорогого и любимого человека, я потеряла поддержку, опору, часть себя. И все равно я безмерно счастлива, что она у меня была именно такой – доброй, открытой, сердечной и любящей.

Для своей Амины я стараюсь быть точно такой же. Не стремлюсь занижать ее умственные способности, давить авторитетом, указывать на маленький возраст или недостаток знаний, когда мы не сходимся в каком-то вопросе.

С ранних лет пытаюсь стоять с ней диалог, интересуюсь ее мнением, иногда прошу совета или помощи, желая развивать ее инициативность, не отказываюсь объяснять причину, если на что-то ставлю запрет и в чем-то отказываю.

Я надеюсь, что, повзрослев, дочка не отдалится от меня, а останется такой же открытой, доброй и веселой девочкой.

– Очень хочу, – от возбуждения Амина начинает подпрыгивать словно мячик.

Два высоких хвостика, заколотых на макушке ярко-желтыми резиночками, одновременно с ней приходят в движение и раскачиваются. Не сдержавшись, наклоняюсь и звонко чмокаю дочурку в нос.

Моя любимая егоза-попрыгушка.

Весь день в саду скакала, а так и не устала.

– Тогда идем в парк, – соглашаюсь с улыбкой.

Почему нет?

Погода шикарная. Дневная жара спала, духоты нет, а теплый воздух пропитан нежно-сладким ароматом жасмина, который я обожаю.

Мы еще не прибыли, а я заранее предвкушаю, с каким удовольствием отдохну на скамейке, вытянув ноги и спрятавшись под широкими кронами широколиственных великанов, пока Амина будет сбрасывать избыток энергии, забавляясь с друзьями-приятелями.

Друзьями-приятелями...

То, что они на детской площадке найдутся – даже не во-

прос. Не будет старых – моя шустрая малышка в пару секунд новых заведет. Очень общительная девочка и смелая. Если хочет познакомиться с кем-то, не задумывается и не стесняется, сразу идет и делает.

Вот в этом она точно не в меня. Я всегда была тихой и робкой. Чуралась посторонних и старалась не привлекать лишнее внимание. Мне было комфортно и с мамой вдвоем.

– Ой, Варя на горке катается, – приходит в дикий восторг Амина, выбравшись из машины первой и скоренько разглядев гуляющих ребятишек. – Mamочка, можно я к ней побегу?

– Беги, – разрешаю, закрывая водительскую дверь, – только не по газону. Обойди по тропинке.

– Ага-ага, – вновь подпрыгивают два хвостика, когда светловолосая головка усердно кивает. – Я всегда по дорожке хожу.

– Точнее летаешь, как метеор, – комментирую в спину уже убегающей дочери.

Отслеживаю, как она добирается до подружки и забирается к ней по лестнице в башню, и только после этого достаю с пассажирского сидения свою сумку и бутылку воды. Поставив машину на сигнализацию, присматриваю себе свободное местечко среди тут и там разбросанных лавочек и неторопливо направляюсь к приглянувшемуся.

Как минимум два часа свободного времени мне обеспечены. А если еще и мороженое прикупить...

Да, это просто фантастика!

Так и происходит.

– Мамочка, можно попить? – Амина подбегает лишь однажды и то на минутку, чтобы утолить жажду, и вновь уносится к ребятам.

Визг, смех, топот ножек – ничего не напрягает, когда твой ребенок счастлив. В какой-то момент ощущаю, что так и наблюдаю за детишками, растягивая улыбку. Столько позитива от них улавливаю, что и сама испытываю радость.

– У вас очень хорошая девочка. Моя Варвара каждый день рвется сюда, надеясь с ней встретиться и погулять, – молодая симпатичная брюнетка останавливается рядом, приветливо улыбаясь. – Здравствуйте.

– Добрый вечер, – киваю в ответ.

– Меня Марина зовут.

– Юля.

– Приятно познакомиться, – мама Вари переступает с ноги на ногу, но потом решается и садится рядом на свободное место. – Юля, я хочу Вас попросить... У дочери в воскресенье день рождения. Семь лет. Приходите, пожалуйста, в «Сказку» к трем на празднование. Варвара очень обрадуется. У нее совсем мало друзей, а с Вашей девочкой она очень сильно сблизилась.

– Спасибо за приглашение, Марина. Уверена, Амина будет не против, – улыбаюсь немного волнующейся брюнетке.

Кажется, не только дочка, но и мама не слишком коммуникабельны. Прямо как и я в молодости.

– Ой, как здорово, – та совершенно не скрывает радости.

Я же мысленно корректирую наши с малышкой планы на выходной день. Нет никаких сомнений, что мое сокровище будет рада не только побывать на празднике, но и посетить магазин, чтобы выбрать подарок для новой подружки.

Домой приезжаем в половине девятого, потому что попутно заскакиваем в магазин, чтобы купить мороженое.

В парке я так и не решилась его приобрести, не хотела отвлекать Амину от веселья. А малышка точно бы отвлеклась. Она обожает это лакомство и ни за что бы не пропустила момент, когда я его стану есть.

– Ты моешься, я готовлю ужин, а после еды делим сладкое на нас двоих, – предлагаю ход действий, заходя в квартиру и запирая дверь.

– Хорошо, – кивает дочка, скидывая сандалии и убегая на кухню, чтобы убрать контейнер с ее любимым пломбиром с шоколадной крошкой в морозилку, – и еще мультики хочу посмотреть. Можно?

– Конечно. Включай телевизор, а я наберу ванну и переоденусь. Пена клубничная или апельсиновая?

– Клубничная.

Вечер пролетает именно так, как мы планируем. Мытье, легкий перекус перед сном и обожаемое лакомство перед телевизором, где мы с удовольствием смеемся над приключе-

ниями Маши и медведя.

Как я предполагала, дочь приходит в восторг, узнав, что ее пригласили на праздник по случаю дня рождения Варвары, и во всю фонтанирует идеями, что можно и нужно дарить ее более спокойной подружке:

– Куклу! Да, точно, ту большую, с длинными волосами и тремя запасными нарядами, что мы видели в прошлый выходной.

– Думаешь?

– Ну да... Или нет? Варя же уже большая станет. Зачем ей тогда кукла? Правильно, мам? Лучше косметику подарим, как у меня: духи, помаду, а еще лак для ногтей. Верно?

– Хм... а вдруг ее мама будет против? – выказываю сомнение.

– Ой, не знаю. Что же делать?

Мое сокровище обнимает ладошками щечки и задумчиво качает головой. Я же еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

Она такая милая и сладкая в пижаме с подсолнухами и двумя косичками, глаз не отвести.

– А если настольную игру? – предлагаю свою идею. – Варя же тоже скоро пойдет в школу. Можно подарить викторину для первоклассника. Как считаешь?

– Такую же, как у меня? – глаза дочки загораются.

– Да.

– Здорово! А можно всё-таки ей еще и лак для ногтей ку-

пить? Ну вдруг ее мама не будет против? – блеснит хитрыми карими глазенками моя кудряшка.

– Хорошо, – даю добро.

Как ей можно отказать?

– И шарики, да, мам? Купим ей разноцветные шарики, которые всегда хотят улететь в небо?

– Конечно, купим.

– Ой, как классно!

С отличным настроением Амина быстро засыпает. Я же, убрав и перемыв посуду, наливаю себе чашку кофе, оставляю на кухне только ночник и забираюсь на любимый подоконник.

Не спится.

В голову так и лезут беспокойные мысли... о мужчине.

Но не о том, чье кольцо я так еще и не сняла с безымянного пальца левой руки, хотя уже решила это сделать, а о том, кто вновь вошел в мою жизнь, не особо спрашивая на то разрешение.

Давид Цикал.

Моя единственная любовь.

Мое сильное разочарование.

Отец моей дочери.

Сегодня после посещения ювелирного он, как и обещал, вернул меня к моему салону красоты, чтобы я смогла забрать машину.

Лишь однажды высказал предложение посидеть в кафе,

пообедать и поговорить, но получив отказ, не стал настаивать. Что меня очень удивило и смутило, учитывая его сложный характер и напор.

Но он тут же «исправился» и показал себя настоящего, уверенно заявив:

– Юля, я вернулся. И уже не исчезну. Из жизни дочери – сто процентов. Прими это и не сопротивляйся.

– Дочери? – хмыкнула, а может, съязвила, вздернув подбородок.

Воспоминания, как он жестко припечатал меня семь лет назад фразой: «Я бесплоден, Юля. Две клиники дали одинаковое заключение. Так что перестань врать и пытаться навязать мне СВОЕГО ребенка. НЕ МОЕГО. И исчезни по-хорошему», так и не смогли мною забыться и каждый день жгли душу, разъедая обидой и разочарованием.

– Дочери, – подтвердил Давид спокойно, открыто глядя в глаза, отчего по коже словно ток прошелся, – если хочешь, я сделаю тест ДНК.

– Я хочу? – несказанно удивилась.

– А мне он не нужен. Амина – моя дочь. Я это вижу и чувствую. Но если ты захочешь ее от меня спрятать...

Так! Хватит, Котова, нагнетать на ночь! Не зря говорят, утро вечера мудренее. Вот и пойдем-ка спать.

Одергиваю саму себя и делаю последний глоток уже подстывшего горького напитка. Странно, я совершенно проморгала тот момент, когда чашка опустела.

Глава 8

ЮЛЯ

Время со среды до пятницы пролетает незаметно и вполне обыденно. Днем Амина с радостью посещает детский сад, я нахожусь в салоне, а вечерами гуляем.

Лишь в четверг по работе выезжаю к заказчице на дом, чтобы подготовить ее к особому мероприятию – собственной свадьбе.

И именно тогда узнаю то, на что не обратила бы внимания, если бы не неприятный инцидент.

До дома невесты я добираюсь медленно, поскольку попадаю в пробку, но в назначенный срок укладываюсь. Накануне просчитав такое развитие событий, выезжаю пораньше. И эти сорок минут очень пригождаются.

За четыре часа, заявленные на оказание услуг, успеваю выполнить все, что от меня требуется. По итогу невеста остается довольной и счастливой, во всю позируя фотографу и делая миллионы селфи, мама невесты умиленно вытирает глаза платочком и любитесь обожаемым чадом, а жених восторженно пыхтит, поскольку не может отвести влюбленного взора от своей ненаглядной.

Шучу ли?

Да несколько.

Но естественно признаю, что великолепный результат – не

столько моя заслуга, сколько отличная генетика. Что мама, что папа знойной брюнетки Марианны – оба красивы. Потому и невеста прекрасна и свежа, как майская роза.

Закончив работу, тепло прощаюсь с заказчицей. Вновь сажусь в машину, чтобы вернуться в «Приму», но до салона не доезжаю.

На, казалось бы, совершенно пустом участке шоссе передо мной внезапно выныривает грязно-серая бэха, обгоняет, а затем резко виляет в бок и останавливается.

Нажимаю на тормоз, чтобы избежать столкновения. И на секунду замираю, поскольку жду неминуемого «бах!»

Происходит он на самом деле, или мое разыгравшееся воображение рисует то, чего всё же не случилось – сказать сложно.

Теряюсь.

А выскочившие из подрезавшей меня машины двое молодых парней с перекошенными недовольством лицами еще больше нагнетают страха и паники.

– Эй, тетка, ты чего творишь? Слепая что ли? Или права купила? – кричит тот, что вылез с переднего пассажирского сидения.

– Да ты мне машину поцарапала, коза! – возмущенно палит второй, подбегая к заднему крылу своей тачки и что-то там разглядывая.

Не церемонясь, он с размаху хлопает ладонью по капоту моей.

От резкого звука вздрагиваю и еще сильнее вцепляюсь в руль, который, так и не выпустила из рук. Выходить уже не спешу.

Молодые люди меня сильно пугают.

Агрессия из них так и прет. А я ни разу не крутая тетка, которая и коня на скаку... и с двумя наглецами правильные разговоры сможет разговаривать.

– А-ну, выходи. Разбираться будем. Только учти, ты круто попала, дамочка. Сейчас своим ментам позвоню, они на тебя еще и штрафов навесят. Хрен целый год за руль сядешь, – страшает водитель.

– Не, Владон, ты только глянь какую царапину она тебе прочертила, – подливает масла в огонь злобы его приятель. – Сколько теперь бабла придется отвалить в мастерской, чтобы машине вернуть прежний облик? Охренеть!

Господи, да что он в это грязи разглядел?

Ворчу я мысленно, изучая мечту любителей писать всем известные фразы «Помой меня!» или «Танки грязи не бояться!».

– Может даже крыло полностью менять придется. А это же плюсом покраска... – не замолкает болтливый пассажир.

– Так мы спеца по автоэмалям сейчас подтянем, пусть озвучит, на сколько тут накапало, – бесится хозяин «грязнули», злобно посматривая в мою сторону. – Ну? Чего расслалась? Выходи, я сказал!

– Давай-давай! Ментов вызывать будем, – добавляет вто-

рой, вертя в руках телефон. – Черт! Мы же тут часов пять, как минимум, проторчим. Я на поезд опоздаю.

Все еще пребывая в шоке, реагирую лишь на последнюю фразу.

Пять часов мне никак нельзя здесь находиться. У меня Амина в садике, а он только до семи работает.

Смотрю на приборную панель, где зеленым светятся часы, показывая 15:50, и, глубоко вздохнув, понимаю, что тянуть время – не вариант.

Отщелкиваю замки и распахиваю дверь, чтобы выйти и самой оценить ущерб. Только меня больше моя ласточка волнует, нежели чужая немытая бэха.

Вот же ты, Котова, экономщица фигова! Давно надо было купить видеорегистратор, сейчас бы легко доказала, что эти парни больше виноваты, чем ты. Эх!

Ворчу на себя, подходя к капоту и осматривая машины.

Странно, но они не соприкасаются. Расстояние между ними сантиметров десять.

Но, может, от удара разъехались?

Делаю мысленное предположение, изучая все детали.

Но моя четырехколесная подруга выглядит также идеально, какой и была утром. А вот на чужой машине, верно, есть черкотина. Вот только она в стороне и никак не могла быть получена в нашем случае.

Оборачиваюсь, чтобы указать на очевидное, и, честно говоря, обалдеваю.

Оба крикуна из бэхи стоят с заломленными за спину руками, уткнувшись носами в багажник моей машины, и тихонько подвывают. А молодые плечистые мужчины в черных костюмах их легко удерживают.

Мамочка, а теперь-то что происходит?

Отступаю на шаг, не понимая происходящего.

– Юлия Леонидовна, добрый день, – привлекает к себе внимание уже знакомый мне молодой человек. Тот самый, что приходил в салон и приглашал составить компанию Цикалу в поездке в ювелирный. – Прошу прощения, что немножго задержались. Застряли на пешеходном переходе. Больше такого не повторится.

Э-э-э, что?

Спрашиваю мысленно, в слух же проявляю культурность:

– Добрый день, – и сглатываю, умолкая.

– Вот, держите, – охранник Давида, что-то вытаскивает из рук одного из парней, подрезавших меня на бэхе, и протягивает мне на открытой ладони.

Ого!

Ключи... от моей машинки.

Понимаю спустя минуту.

– А? – хлопаю ресницами.

– Разводилы-автоугонщики, – комментирует тот совершенно спокойно. – Один вас отвлекал, второй забрался внутрь и собирался уехать. Вы бы остались посреди дороги без машины, без телефона и без документов. Всё просто.

Вот те раз! Кошмар просто!

Выражаюсь хоть и мысленно, но почти цензурно.

– Спасибо, – выдаю вслух и киваю, забирая свою вещь.

– Не за что, – получаю ответ. – Поезжайте по своим делам, Юлия Леонидовна, тут мы сами разберемся. И не волнуйтесь, ДТП не было.

– Точно?

– Абсолютно.

– Простите, а Вас как зовут, – решаюсь спросить, когда передо мной распахивают дверь и помогают сесть за руль.

– Иван, – сверкнув лукавым взглядом, рапортует охранник Давида.

– А что вы тут делали, Иван? – осмеливаюсь еще на один вопрос.

– Присматривали за Вами, – получаю честный ответ. – Давид Дамирович приставил нас в Вашу охрану.

До салона доезжаю скорее на автопилоте, чем осмысленно. И дорогу помню лишь фрагментами.

Зато машину охраны замечаю теперь постоянно. Пусть она и держится на удалении, но в пределах видимости. Не знаю, может, они и раньше не скрывали свое присутствие, просто я была невнимательна, уже не суть.

Теперь я в курсе.

Но, что странно, понимание, что за мной следят, не угне-

тает и не нервирует. Наоборот, успокаивает. А после сегодняшнего жуткого инцидента – так тем более.

Вообще щекочет в груди странное желание – позвонить Давиду и поблагодарить. Ведь выходит, что я могу справиться не со всеми ситуациями.

Конечно же, этого не делаю. И не потому, что нет его номера телефона. Уже есть. Когда во вторник покидала машину Цикала, он вложил мне в руку свою визитку. Маленький белоснежный прямоугольничек, на котором кроме одиннадцати цифр больше ничего не оказалось.

– Это мой личный номер. Только для близких людей. Я хочу, чтобы он у тебя был.

Обозначил доходчиво.

Взяла и без слов убрала в карман.

Желание смять бумажку и демонстративно выкинуть ее в урну, гордо вздернув нос и заявив, что нам с дочерью от него ничего не нужно, даже в мыслях не промелькнуло. Не потому, что увидела какую-то призрачную выгоду от вдруг появившегося на горизонте отца моей девочки. А потому что здраво оценила последствия того, что о наследнице Давида Цикала скоро станет известно многим.

Шило в мешке не утаишь. Если Давид сказал, что не отступит, значит, так и сделает. А люди – не слепые, особенно те, кого значимая в сфере бизнеса фигура Цикала очень интересуется.

Так, хватит рефлексировать, даю себе мысленную коман-

ду и вылезаю из уже припаркованной машины. Забираю с заднего сидения два чемоданчика с косметикой и остальной приблудой, без которых в работе, как без рук, и захожу в «Приму».

Привычная обстановка действует положительно: успокаивает и настраивает на лучшее. Перебрасываюсь с девочками впечатлениями от работы с клиенткой, выслушиваю отчет о произошедшем за время моего отсутствия, даю указания по завтрашнему дню, поскольку до субботы здесь уже не появлюсь, и прощаюсь.

Пора забирать Амину.

Дочка, словно чувствует мое настроение, на прогулке не настаивает, и мы проводим тихий вечер дома вдвоем, играя в настольные игры и вновь поедая мороженое. Вот что-что, а оно нисколько нам обоим не надоедает.

Сладкоежки, что тут еще скажешь.

Влад не звонит ни в среду, ни в четверг, но это отмечаю как-то мимоходом, где-то на периферии сознания, когда в десять вечера укладываю Амину спать. Пропажа жениха не особо расстраивает. А точнее, воспринимается спокойно.

Так, ни тепло, ни холодно. У себя в голове я уже приняла решение расстаться, осталось только озвучит это Зубкову при личной встрече.

Бездумно брожу по затихшей квартире, отмечаю, что на улице стало совсем темно и нужно бы включить свет. Или не нужно. Дома хорошо при любом раскладе.

Меня слегка знобит. Не простыла, скорее, так выходит нервное напряжение от эмоционально сложного дня. А вот холод я не люблю. Потому иду в спальню, достаю из шкафа кофту, когда-то очень давно связанную руками мамочки, и с удовольствием ее надеваю.

Вот теперь отлично.

И пусть она уже старая и видно, что поношенная, но все равно очень любимая. А еще греет так, что кажется, будто мама находится в этот момент рядом и нежно обнимает, делясь теплом.

Спать не хочется, валяться и смотреть телевизор тоже. По въевшейся за годы привычке устремляюсь в кухню. Варю кофе и занимаю любимое место на подоконнике.

Вот теперь всё правильно.

Хорошо. Спокойно. Привычно.

Мысли сами собой устремляются к Давиду.

Не сопротивляюсь, знаю, что бесполезно.

Сегодня тянет на воспоминания. Ко дню нашего с ним знакомства.

Ну, как знакомства?

Я знала Цикала и до того момента. Ни раз видела и слышала, бывая в его доме. А вот он меня точно не замечал. И, думаю, не обращал бы внимания и дальше, но... как говорится, дело случая...

Карина, его сестра, пригласила меня к ним домой, чтобы подготовить ее к вечеринке. Что там было за событие, уже

не помню. Да и не суть. Но приехала я в особняк ближе к вечеру на такси. В тот день моя машина находилась в сервисе — меняли сигнализацию.

Работа вышла длительной. Колдовала я над обликом капризной клиентки не менее трех часов. Когда же собралась уезжать — нарисовались непредвиденные обстоятельства.

Я рассчитывала вернуться в город на такси, но из-за разыгравшегося ливня операторы, все как один, отказались посылать транспорт ночью в пригород.

Карина предложила остаться у них до утра и даже пригласила на вечеринку, которую устроила дома. С первым предложением я согласилась, от второго вежливо отказалась.

При всем уважении к хозяйке, хорошо понимала, что мы крутимся с ней в совершенно разных кругах, и уж лучше я посижу в комнате и почитаю, чем буду чувствовать себя белой вороной среди мажористых мажоров.

И все было именно так. Я прекрасно проводила время в выделенной мне комнате, пока ближе к ночи черт не дернул спуститься вниз, чтобы приготовить себе кофе.

Захотелось же.

То, что в кухонной зоне нарвусь на знатно подвыпившего неадекватного гостя, и тот не просто начнет ко мне подкатывать, а нагло зажмет в углу и полезет руками и губами везде, где сможет дотянуться, совершенно не предполагала.

Ну ведь не бывает же такого беспредела.

Оказывается, бывает. И это жутко страшно.

Как ни странно, в ту ночь меня спас от изнасилования именно хозяин особняка – Давид Цикал несмотря на непогоду вернулся в особняк, а не заночевал в городской квартире. Правда, спас в свойственной лишь ему манере. Мужчина прогнал мажора и тут же обвинил меня в том, что я сама наглым образом спровоцировала «невинного»:

– Нечего полуголой разгуливать по кухне.

И это он сказал мне, девушке, одетой в лосины и длинную футболку-платье.

Сказал... и получил знатный отпор. А что он хотел, если злость от бессилия и адреналин, гулявший по крови, решили выйти из меня таким интересным способом.

Тихая девочка Юля одномоментно превратилась в настоящую мегеру, острую на язык и колко жсящую в ответ.

Дословно воспроизвести то, что я умудрилась ему наговорить, уже нереально. А вот результат мини-скандала помню очень даже четко.

Давид с ухмылкой пригласил меня на свидание, явно решив подколоть, а я, ни в какую не желая оставлять за ним последнее слово, согласилась...

Это стало началом наших отношений, длившихся почти два месяца.

Два самых счастливых месяца моей жизни, когда я жила, как в раю, не ходила, а летала, мечтала, дышала полной

грудью и бесконечно улыбалась. И никому об этом не рассказывала, боясь сглазить.

Счастье любит тишину...

Ведь так же говорят? Кто ж тогда знал, что срок моего счастья уже был предопределен в момент нашего знакомства... а часики начали отсчет...

Глава 9

ЮЛЯ

Раздавшийся на мобильном рингтон, установленный на неизвестные номера, вырывает из оков прошлого и заставляет встрепенуться. Спрыгиваю с подоконника и подхватываю телефон, лежащий на столе, где оставила его еще во время ужина, после разговора с Соней.

С подругой мы общаемся очень часто. Практически каждый день. Бывает, конечно, и реже, особенно теперь, когда она сильно устает из-за забот с близнецами. Но всё же стараемся не пропадать из поля зрения друг друга. Потому средство связи всегда держу под рукой.

Обычно неизвестные номера я игнорирую и просто скидываю в блок, чтобы не надоедали. Особенно теперь при повторных автодозвонах. И именно в такие моменты напоминаю себе, что следует поставить блокировку на спам-вызовы.

На этом моменте обычно и зависаю. Откладываю дело на потом, прикрываясь любимой фразой: руки не доходят.

Но сейчас, в половине одиннадцатого вечера, мне звонит не какой-то очередной безумно вежливый рекламщик, а тот, о ком только недавно думала.

Я запомнила последние цифры номера Цикала.

Не специально. Просто они броские: 6699.

– Слушаю, – произношу негромко, вновь забираясь на лю-

бимый подоконник и прислоняясь спиной к торцу.

На несколько секунд задерживаю дыхание, прикрываю глаза и выдыхаю медленно-медленно, чтобы абонент на том конце не услышал, как сбилось мое дыхание.

– Здравствуй, Юля.

Всего одна фраза, два слова, а у меня дрожь пробегает по телу от низкого тембра его голоса. Бархатного, пробирающего до костей.

Интересно, это пройдет со временем? Я адаптируюсь?

Или буду так реагировать на него всю жизнь?

Чуть дрожащей рукой провожу по волосам, поправляю выбившийся из небрежного, заколотого резинкой «хвоста» локон, словно даже так, на расстоянии хочу выглядеть перед этим мужчиной идеально.

Котова, угомонись! Ты дома. Одна. И Он тебя не видит.

Одергиваю странный порыв и сжимаю ладонь в кулак.

Дать себе пинок проще, чем следовать ему.

Рука перестает дрожать, но зато увлажняется.

Чертыхаюсь про себя и вытираю ее о бриджи чуть выше колена.

– Здравствуй, Давид, – стараюсь произнести приветствие так же ровно и спокойно, как это сделал он.

Светить тем, что его звонок меня взбудоражил... это слишком... слишком.

– Как у вас дела?

Совершенно обычный вопрос, который задают больше

девяноста процентов населения нашей страны при встрече чуть ли не ежедневно. И в большинстве случаев получают одинаковый ответ: «Всё хорошо».

И неважно, правда это или ложь.

Так ли это на самом деле. Или ответчик решил банально съехать с темы.

Тут скорее проверяется степень близости между людьми: доверишься ли ты тому, кто задал вопрос? Откроешь ли душу? Пожалуешься на то, что не все так легко, как показывает твоя широкая улыбка?

Так легко и сложно одновременно.

А ты, Давид, чего от меня ждешь?

Спрашиваю мысленно и отвечаю за него: естественно не банальности.

Для этого ему не обязательно звонить мне. Уверена, женщин в жизни Цикала предостаточно.

Кстати, я даже не знаю, может, он давно и счастливо женат? И у него есть дети? Сыновья или дочери, а может, те и другие.

Специально я личной жизнью этого человека ни разу за семь лет не интересовалась, но и случайно в СМИ информации не видела. Хотя, зная одного похожего мультимиллионера, это я про Алекса Гроссо, прекрасно понимаю, что при желании вбросы фактов личной жизни можно грамотно контролировать и при необходимости вовремя подчищать.

Шесть с половиной лет назад, уже после того, как семей-

ство Цикал знатно потопталось по моей гордости и чести, а Давид дал мне отставку, забрав все свои обещания, я получила сообщение со скрытого номера с единственной фразой: «Знай свое место, нищевродка» и снимком из какой-то турецкой газеты, где Дамир Цикал, широко улыбаясь, пожимал руку мужчине, очень похожему на него по важности и напыщенности.

Я не поленилась, перевела заголовок. Суть сводилась к тому, что два знатных семейства решили объединить свой бизнес самым надежным способом – заключением союза между детьми: Давидом Цикал и Мирой Дамла.

Это стало последней каплей в копилку моего терпения. Или, скорее, заключительным аккордом, разбившим «розовые очки», когда я, наконец, приняла факт того, что наши с Давидом дорожки окончательно разошлись.

С того момента в моей голове больше ни разу не возникали мысли, начинающиеся на: «А что, если бы он вернулся...», «А вдруг он не виноват...», «Может, я поспешила и стоило еще раз...».

Нет.

Вот больше нет. И всё.

И даже когда Цикал спустя месяц приехал ко мне в роддом, где лежала на сохранении с угрозой выкидыша, я не дрогнула и открыто заявила ему в глаза, что сделала аборт.

Мне было все равно на то, что он хотел что-то обсудить. Мне было не жаль его обманывать. Я приняла решение дви-

гаться вперед.

Одна. Потому что легче так, чем с человеком, который тебе не доверяет и выбрасывает, как нашкодившего котенка на улицу, при первых же трудностях.

И именно это было главной причиной моего обмана, а не то, что за спиной стоял амбал, приставленный отцом Давида. Тот, кто наблюдал за каждым моим шагом и постоянно угрожал расправой, если я надумаю сделать какую-нибудь глупость. Например, еще раз сунусь к Давиду со своей беременностью.

Прочищаю горло, в котором вдруг с чего-то пересохло, и чуть сипловато выдаю:

– Всё хорошо. Спасибо, что спросил.

– А как Амина?

Очередной вопрос Давида подсказывает, что мужчина не торопится разрывать разговор. Тут вижу только две причины. Или он спросил и узнал не всё, что хотел. Или же пока не решился сообщить то, ради чего набрал мой номер ночью.

Одно знаю точно.

Если Цикала что-то или кто-то не интересует, он не станет ради приличия себя ломать и затягивать общение или встречу. Обрубит мгновенно. И пофиг, что это, возможно, обидит оппонента.

Ему так удобно. Он так привык.

А с привычками мы готовы бороться только ради тех, кто имеет для нас значение. Ради близких, ради дорогих, ради люб...

Опять меня не туда понесло.

Встряхиваю головой, будто таким простым жестом смогу выкинуть из нее уж совсем нелепые мысли, получившие волю и разгулявшиеся, и возвращаюсь к беседе, решая плыть по течению:

– Амина прекрасно. Ждет не дождется завтрашнего дня. Очень соскучилась по Богдану и Надюшке. Они – троица, что не разлей вода.

– Да, я заметил.

В чуть хрипловатом голосе слышится легкая улыбка и теплота.

И я точно знаю, что это реальные эмоции, а не наигранные. Я помню, как сильно Цикал хотел детей. Мечтал о большой семье. О том, чего сам всегда был лишен.

Однажды мы с ним даже в шутку обсуждали, как бы назвали дочку или сына. Давид предлагал имена девочке, а я мальчику. Так сказать, делили значимые обязанности поровну, чтобы не обидеть друг друга.

Обидеть...

Невероятно, но за два месяца вместе с Цикалом я не могу припомнить ни одного случая, когда бы мы поругались, перешли на грубость, язвительность или по-глупому оскорбили друг друга недопониманием.

Такого не было.

Довольно резкий и прямой в общении с посторонними, среди близких Давид мгновенно преображался. Однажды выпустив меня в этот круг, он показал себя настоящего. Живого человека из плоти и крови, с эмоциями не робота, а обычного мужчины, умеющего любить, ухаживать, заботиться, ревновать.

Раскрылся. Обнажился душевно.

Уверена, именно тогда я в него влюбилась.

Сильно.

Впервые в жизни.

Наш роман развивался стремительно, мы горели в наших так странно начавшихся отношениях, тянулись друг к другу, использовали каждый день и миг, чтобы быть рядом, строили планы, делились мечтами и тайными желаниями.

Рисовали общее будущее.

Да. Именно мы.

Вот так и не иначе. И это не мои розовые мечты, которые я старалась спроецировать в реальность.

Давид сделал мне предложение ровно через месяц после нашего первого феерически организованного свидания. И подарил кольцо, которое я с радостью приняла.

А как иначе? Ведь я любила его до умопомрачения.

Он был моим центром вселенной. Моим всем. Я планировала прожить с этим человеком всю жизнь и подарить ему всю себя. Я хотела заботиться о нем. Я желала превратить

его мечту в реальность.

Наивняшка, не иначе.

Фыркаю на определение, которое придумала себе прежней, и тут же усмехаюсь повторно.

Котова, а разве ты с тех пор так уж сильно изменилась?

Скажи-ка правду, дорогая!

Нет, не хочу думать над этим вопросом. Он слишком серьезный, а ответ колючий.

Проще отвлечься, что я и предпринимаю, меняя тему разговора.

– По поводу твоей охраны, Давид...

Произошедшее дневное ЧП меня нет-нет, а дергает. Все-таки я обычная слабая женщина, которая не умеет отключать эмоции по желанию и продолжает вариться в котле переживаний, раз из раза перематывая в голове случившееся.

– Твоей, – поправляет меня Цикал и тут же добавляет. – Юля, извини, но я не стану ее снимать. Поверь, эта мера – не ограничение свободы, а лишь подстраховка, чтобы с тобой и Аминой ничего не случилось и...

– Спасибо, – произношу чуть слышно, но с чувством благодарности.

– она никак... Что? – обрывает сам себя Давид, явно удивленный.

– Я говорю «спасибо», – повторяю в трубку, поворачиваясь к окну, и, приподняв голову, разглядываю безумно красивое звездное небо. – Они, твои парни, мне очень помогли.

Не уверена, что справилась бы самостоятельно.

Все же меня прорывает. На последних словах голос ломается. Глаза застилает пелена. И даже то, что поднимаю голову вверх, не спасает. Две крупные слезинки сбегает по щекам. Прикусываю губу, чтобы не всхлипнуть, и медленно втягиваю воздух через нос.

– Такого больше не случится, – слышу уверенное обещание в мужском голосе, и не сомневаюсь, что так оно и будет.

Цикал не бросает слов на ветер.

На какое-то время между нами устанавливается полнейшая тишина. Я успокаиваюсь, чувствуя некое облегчение после выброса эмоций, и молча прижимаю трубку к уху.

Давид делает то же самое. Ни он, ни я не разрываем связь, продолжая слушать дыхание друг друга.

– Почему ты, едва увидев Амину, сразу решил, что она твоя? – спрашиваю вдруг.

Не знаю, с чего этот вопрос первым возникает в голове, но я озвучиваю его, не собираясь анализировать.

Мне интересно это знать. В какой-то степени даже важно.

– Так звезды сошлись, – выдает мой собеседник невероятное, отчего я приоткрываю рот и начинаю моргать.

Что?

Это шутка такая в исполнении Цикала?

Она кажется еще более нереальной, потому что в этот момент я как раз разглядываю усыпанное миллиардами невероятно ярких звездочек ночное небо.

– Юля, ты назвала нашу дочь именем моей матери, – произносит Давид хрипло.

Словно его эмоции рвутся наружу, но он их подавляет. И, как цепная реакция, моя кожа вновь покрывается мурашками.

Ну да, верно.

Я помнила эту деталь и ни секунды не сомневалась, как назову безумно красивую и с первого мгновения любимую пищащую кроху, которую положили мне на живот в родзале.

– Кроме того, она очень сильно на нее похожа, – продолжает мужчина. – Такая же невероятная красавица с медовыми волосами. И родинка... Я не говорил тебе никогда. У моей мамы была такая же. И у меня. Как думаешь, была ли хоть капля сомнений в моей душе, когда я увидел такую же у Амины?

– Нет?

– Ни секунды.

Глава 10

ДАВИД

Что меня толкает ехать поздним вечером в ничем непримечательный двор обычной панельной многоэтажки и торчать в нем, как какому-то долбанному сталкеру, вместо того, чтобы после изнурительной рабочей недели, шумных разборок с отцом и двухчасового перелета из Стамбула просто завалиться дома на диван и отдохнуть, как белом человеку?

Ответ прост до банальности.

Именно те, кто живут в этой хреновой многоэтажке, под окнами которой я припарковался фиг знает сколько времени назад.

Моя дочь и ее мать.

Два сокровища, которые я тупо просрал семь лет назад.

Странное дело, но именно здесь, где я имею возможность вот таким банальным способом быть к ним ближе, глупо пялясь в темные окна двухкомнатной маленькой квартирки, мне становится спокойнее и комфортнее, чем где-либо еще.

А ведь всего неделю назад я даже не подозревал, что моя жизнь сделает такой крутой вираж, перетасует колоду приоритетов и выведет на первый план ту, кого давно считал обманщицей и наглой лгуньей.

Юлия Котова – обычная, ничем не примечательная по началу девушка, каких на каждом шагу пруд пруди. Одна из

многих, кто работал на нашу семью, обеспечивая потребности. По сути – наемный персонал, который со временем совершенно перестаешь замечать.

Она помогала моей сестре, преображала ее из обычной красотки в супер-красотку. Хотя, как по мне, Карина в любом образе всегда оставалась очаровательна. Но спорить с женщиной, тем более младшей любимой сестренкой, вот уж ни за что.

Всегда ее баловал, потакал любым капризам, даже забрал от отца из Турции, где ее во всем ограничивали. Только бы она всегда радовалась и сияла, как звездочка, а не грустила и печалилась.

Пусть у нас с Кариной были разные матери – я на это не обращал внимания. Любил безоговорочно, сглаживал неприятные инциденты, в которые она иногда влипала, а некоторую ее резкость и высокомерие списывал на влияние Дамира Цикала.

И когда сестренка решила приблизить к себе Котову, вначале отнесся ровно. Дружат. И пусть дружат. Мало ли с кем сестре общаться приятнее.

Все изменилось, стоило нам с Юлей столкнуться в несколько экстремальной для нее ситуации. И мне очень не понравилось то, что я увидел: плачущую девчонку практически раздел и надел на себя один из гостей сестры прямо на кухне.

Правда, зло я тогда сорвал не на Стасе Хромове, золотом

мальчике из тусовки Карины, а на самой Котовой. Хотя на следующий день, досталось уже герою-мажору. Я дождался, чтобы он проспался, и с особым удовольствием пересчитал ему ребра.

Малышка же при близком общении оказалась не промах. С огоньком. Дерзкой и ершистой, пусть и боялась до заикания, но не шла на попятный.

И вот так, слово за слово, всё закрутилось.

Думал ли я, что это может вылиться во что-то серьезное? Нет. Не в первые несколько дней точно.

А потом, как затянуло.

Котова оказалась коробочкой с сюрпризом. Внешне милая, она не переставала притягивать меня свежестью и естественностью, но сильнее всего искренними эмоциями. Я как зависимый, с удовольствием впитывал ее свет, позитив, радость при встрече со мной, яркий блеск голубых глаз, прерывающееся дыхание, легкий, манящий румянец, взгляд влюбленный, открытый и чистый.

На меня никто и никогда не смотрел, как на восьмое чудо света, как на единственного мужчину, которому готова вручить всю себя без остатка, доверить жизнь, сердце, любовь, идти за ним, не глядя по сторонам, не ради материальной выгоды, а потому что он – это он.

Особенный для нее.

От этого моя зачерстевшая в жестоком мире бизнеса душа отогревалась, ширилась и чуть ли не пела. Я впервые без

зазрения совести отодвинул дела на второй план и сосредоточился на удивительной девушке, без усилий завладевшей всеми моими мыслями.

Той, кого легко смог представить своей женой.

Той, с кем собирался растить детей, создавать совместными усилиями домашний уют, и кого мысленно клялся любить и уважать даже спустя годы.

Той, кому с трепетом в сердце выбирал обручальное кольцо и надел на безымянный пальчик.

Той, кому спустя месяц приказал это кольцо снять и выкинуть, а меня забыть и не преследовать.

Той, кого обозвал обманщицей, коварно вздумавшей навязать мне чужого ребенка, как своего.

Той, кого, как думал позже, удачно вырвал из сердца.

Думал...

Именно думал...

Но не сделал, как оказалось.

Стоило вновь ее увидеть, осознал – не смог. Спрятал где-то глубоко-глубоко, в самых дальних недрах сердца, но не вырвал.

Той, перед кем безмерно виноват уже семь лет, потому что усомнился, потому что не разобрался, потому что отвернулся, потому что выбрал не ее.

Семь долбанных лет... упущенного счастья, несозданной семьи, выросшей без отца дочери, преданной любимой женщины.

А она выстояла, не сломалась и сберегла лучшую частичку меня.

Мою дочь.

Мою наследницу, о рождении которой я так долго мечтал.

Юля Котова, честная и открытая девчонка, жизнь которой я чуть было не растоптал грязными ботинками семейства Цикал.

Женщина, на которую я сейчас смотрю и не могу ответить взгляда, хотя при ночнике, слабо освещающем кухню, это довольно сложно.

Откидываюсь на сидение и потираю рукой глаза. В них будто песка насыпали. Не спал больше суток, вымотался, как собака. И, по-хорошему, пора бы уже заканчивать разговор и ехать отдыхать.

Да и Юле нужно ложиться. Завтра предстоит сложный день, а ее и сегодняшний инцидент нефигово вымотал. Пусть не физически, морально – точно.

Но не хочу отпускать.

Еще чуток, всего несколько минут, чтобы, наконец, озвучить главное.

Сказать о том, ради чего я летал в Стамбул... и повиниться.

– Юля, я хотел...

– Давид, ты не мог бы...

Начинаем говорить одновременно, нарушая умиротворяющую тишину, и замолкаем тоже вместе.

Хмыкаю на сложившуюся ситуацию.

Ну, прям, как дети малые, честное слово.

И, вроде, глупо и смешно оба себя ведём, но не коробит. Пусть вот так неторопливо, неуверенно, прощупывая и изучая друг друга, но мы все же стараемся общаться.

Радует уже то, что Юля открыто не посылает меня в пешее эротическое, хотя, признаю, заслужил. И не только это, но и много большее. Той же скалкой по голове или сковородкой по хребтине.

А она – нет, терпит мое присутствие, выслушивает, старается держаться ровно, пусть ей это и не нравится. Иногда кажется, она даже мысленно матерится, а вслух – ничего, сдержанность и самообладание.

Она изменилась. Повзрослела, стала не то чтобы спокойнее, скорее уравновешенней, уверенней в себе, пластичней и женственней.

Это я заметил не сразу, а вычленил вот так постепенно, из личных наблюдений в пару встреч, из докладов парней, из сегодняшнего телефонного разговора.

– Прости, что перебила, – Котова спохватывается раньше меня.

Вот только извиняться ей нет причины.

– Глупости, – обрываю. – Говори, Юль. Что хотела? – настаиваю голосом.

Любая фраза, произнесенная ей лично, а не под воздействием необходимости, как трос, что укрепляет призрачный мостик нашего общения, перекинутый над пропастью из недопониманий, недоверия и обид.

– Я хотела тебя попросить, – начинает она неуверенно.

Делает паузу, прочищает горло, будто боится продолжать. Не топлю, не задаю наводящих вопросов. Молчу, позволяя высказаться.

– Давид, я понимаю, ты хочешь сказать Амине, что являешься ее отцом, но... Черт, это сложно, – слышу, как Юля чуть отстранив трубку, тяжело вздыхает. Смотрю на нее, сидящую на подоконнике и вижу, как она запрокидывает голову и зарывается свободной рукой в волосы, наматывая «хвост» на палец. Нервничает, но заканчивает мысль. – Я хочу попросить тебя не торопиться.

Тараторит скороговоркой. И замирает. Даже дыхания больше не слышно, а силуэт в окне застывает, словно статуя.

Уверен, ждет, что откажусь. Начну настаивать и давить. Опускаюсь до угроз.

Только зря.

Она – мать. Если считает, что так будет лучше для ребенка, спорить не стану. Но важное для себя уточняю:

– Сколько?

– А?

Ну вот, явно не верила, что получит согласие.

Хотя стоит ли удивляться?

Раньше я, не особо утруждаясь, уговаривал ее на всё, чего хотел сам. И даже если поначалу она сопротивлялась, то грамотными фразами и умелыми действиями легко менял ее «нет» на «да» в ста случаях из ста.

– Сколько тебе нужно времени, Юля? – даю понять, что согласен на ее просьбу.

– Две недели, – выпаливает она, а после чуть более тихо добавляет, – максимум месяц. Я хочу сама с ней поговорить, подготовить, не травмировать неожиданно, а дать время осмыслить ситуацию. Сейчас же такой возможности не будет. Ты, наверное, уже знаешь, Соня с Алексом и близнецами улетают на две недели в Италию. Немного отдохнуть. А мы с Аминой переезжаем к ним, чтобы присматривать за Надюшкой и Богданом.

– Я понял. Не волнуйся, у тебя будет это время, – даю «добро», но тут же озвучиваю своё условие. – Но я хочу с ней общаться уже сейчас, а не через месяц. Хочу, чтобы она ко мне привыкала, узнавала.

Как и ты.

Добавляю мысленно.

– Ладно... Хорошо... – по голосу слышу, Юля рада уступке с моей стороны. – Спасибо.

А вот благодарность лишняя. Это я ее должен благодарить за каждый день, что она заботилась об Амине, но об этом мы поговорим позже.

– Не за что, – даю понять, что тема исчерпана.

– А ты о чём начал говорить, когда я помешала? – осмеливается напомнить Котова.

И я решаю, что нет смысла больше тянуть время. И так его слишком много потратили впустую.

– Я сегодня вернулся из Турции, – произношу ровно, гася шквал эмоции, разъедающий душу, стоит вспомнить разговор с отцом, делаю паузу и заканчиваю. – Теперь я выяснил всю правду.

Глава 11

ДАВИД

– Я сегодня вернулся из Турции, – произношу ровно, гася шквал эмоций, разъедающий душу, стоит вспомнить разговор на повышенных тонах с отцом. Делаю глубокий вздох и заканчиваю. – Теперь я выяснил всю правду.

Тишина в ответ настораживает. Заставляет вынырнуть из собственных заморочек и сосредоточиться на женщине, которая в сложившихся обстоятельствах пострадала больше всех.

Мне не нравится, что я ее не слышу.

Это дезориентирует и напрягает.

Открываю рот, намереваясь позвать Котову по имени, но она опережает.

– Не надо мне объяснять, Давид, – тихая просьба. Пауза, во время которой, как я вижу сквозь окно, Юлия запрокидывает голову и прикрывает глаза ладонью, словно стирает пелену тяжелого прошлого. И продолжение. – Всё в прошлом.

Не согласен.

Вот не согласен и всё тут.

Не переубедит и не заставит свернуть.

– Надо, – произношу жестко.

Стараюсь и в ее голову вложить свою уверенность.

Потому что по опыту знаю: забыть не выйдет, а вот отпу-

ставить ситуацию – реально, но прежде следует разобраться в ней от и до.

Только разложив по полочкам весь тот винегрет из лжи и наговоров, появится возможность двигаться дальше. Может быть, даже вместе.

Да, это моя призрачная мечта с недавних пор. Стать частью маленькой семьи. Не просто воскресным отцом, а любимым папой и, может быть, любимым мужем.

Почему нет?

Я ведь тоже человек. И подвержен слабостям. А две девчонки, живущие в высотке, перед которой я сижу в машине, с недавних пор ею и являются. Моей слабостью.

Конечно же, это все призрачно, потому что свою вину за прошлое я признаю и не снимаю. Но и причину поступков объяснить должен.

– Надо, – повторяю вновь жестко. – Тебе надо. И мне надо. Я виноват, Юля. За свой неправильный выбор. За веру в родных. За то, что ошибся и не понял тогда главного: моя семья была не той, где я остался, а той, что прогнал.

– Давид, – женский голос полон мольбы.

Понимаю, что ей больно и не хочется ворошить прошлое, но, как привык, не оставляю выбора, лишь его призрачные очертания.

– Мы можем отложить этот разговор сейчас, – делаю громкую паузу и предлагаю сомнительную альтернативу, – Но тогда продолжим его при личной встрече. И он обязательно

состоится. В ближайшее время.

– Опять решаешь за нас обоих? – произносит вроде бы ровно, но я слишком хорошо ее знаю, чтобы уловить недовольные нотки.

– Не опять, а снова, – стараюсь разрядить обстановку.

– Я тебя выслушаю, – сдается.

Сквозь окно вижу, как Юля спрыгивает с подоконника и куда отходит. Легкий шорох, громкий шум от помолки зерен.

– Кофе на ночь вреден, – комментирую раньше, чем успеваю подумать.

И тут же получаю обоснованное:

– Ты что, подсматриваешь?

Уже готов произнести: нет, конечно.

Но не осмеливаюсь. Хватит лжи и обмана в нашей с Котовой истории. Пора переходить к правде.

– Ну-у, – тяну, удивляясь самому себе, что решаюсь на признание, – с улицы третий этаж особо не поразглядываешь.

Даю пару секунд на осмысление, а затем...

Любопытная Юля высовывается из окна и внимательно изучает двор.

А она милая. И, несмотря на расстояние, мне кажется, что я вижу ее широко распахнутые в удивлении голубые глаза.

Не сдерживаю улыбки и указательным пальцем левой руки пару раз поддеваю подрулевой переключатель света.

«Моргающие» фары во дворе, освещенном всего парой тусклых фонарей, увидеть несложно.

Вот и меня она замечает мгновенно и в первое мгновение интуитивно отшатывается от окна, будто хочет спрятаться за воздушным тюлем.

Мне интересно наблюдать: сбежит всё-таки или...

Нет. Гасит трусливое желание и лишь кивает, а после вновь возвращается к приготовлению горького напитка, которому, кажется, никогда не изменяла.

– В гости не приглашу, – говорит серьезно и твердо.

И пусть я и не собирался навязываться, но такое четкое предупреждение удивляет и подтверждает сделанный ранее вывод: Юля изменилась.

И новая она мне нравится еще больше.

– Понял, не настаиваю.

Еще минуту слушаю легкое шебуршание, которое Котова больше не стремится скрыть, передвигаясь по кухне, затем она вновь появляется в окне. Забирается на подоконник, сгибает ноги в коленях и выдает, будто в омут с головой бросается:

– Я готова слушать.

Вижу, как, прижав телефон плечом, обхватывает двумя ладонями чашку и делает глоток. Хочется еще немного потянуть время, дать ей насладиться любимым напитком, потому что то, что собираюсь ей скинуть на электронную почту, явно испортит аппетит.

– Знаешь, прежде чем начать разоблачение, я все же хочу еще раз попросить прощения за свой совершенно неблагоприятный поступок. Думаю, если бы мама была жива, она бы этого никогда не допустила, – прикрываю глаза и качаю головой. – А тебя и Амину полюбила с первого взгляда.

Может быть это и глупо – в моем возрасте вспоминать мать, но не могу иначе. Я ее не просто любил, боготворил. До последнего дня она оставалась главной женщиной в моей жизни. Потому что не побоялась трудностей и осуждения окружающих, а родила и вырастила меня вне брака, дала образование и постаралась вложить те качества, которые считала важными.

Отец появился в моей жизни позднее. Намного позднее.

Думаю, если бы не болезнь, мама так и не осмелилась бы написать ему письмо и рассказать обо мне. А так, она испугалась, что останусь один, без поддержки, и рискнула.

Дамир Цикал, всегда мечтавший о наследнике, взялся за меня всерьез. Окружил вниманием и заботой. Даже сумел закрыть глаза на то, что я другой веры и особо не давил принять ислам. Забрал к себе в Стамбул, настоял на изучении языков и получении еще одного образования. В общем, усиленно принялся лепить из меня идеального отпрыска.

То, что этот человек не мягкий и открытый, а стопроцентный делец, ищущий во всем выгоду, я понял рано. Потому хоть и прогибался, исполняя волю покойной матушки постараться подружиться с семьей отца, но держал ухо востро.

От деда мне досталось хорошее наследство, которое я получил после совершеннолетия. И именно его вложил в свое первое дело, отказавшись от помощи Дамира. Чувствовал, что смогу стать от него зависимым, если что-то пойдет в разрез с его планами. А мне моя независимость всегда была дороже.

И все же просьбу матери я выполнил. Сдружился с семейством Цикал. И даже долгое время считал их близкими родственниками, семьей. Особенно Карину, единокровную сестру. Правда, узнай маму правду о выходках этой девицы, думаю, сто раз пожалела бы.

А ведь именно сестренка, та кто послужил косвенной причиной нашего с Котовой знакомства, стала первой, кто нанес удар в спину.

Именно Карина «открыла мне глаза» на распушенность моей невесты и ее стремление найти себе мужчину побогаче, чтобы не работать, а жить в свое удовольствие. Я не купился на голословные обвинения, хотя старался всегда прислушиваться к мнению сестры.

Тогда же подключились подружки Карины, которые пользовались услугами Котовой. Пусть не слово в слово, но они повторяли одно и то же: Юля – содержанка, обхаживающая богатых папиков.

А затем мне предоставили фотографии, где Котова практически голая занимается сексом с тем, от кого я ее спасал в день нашего знакомства.

Десятки откровенных фотографий со Стасом Хромовым.

Золотой мальчик тоже поддержал мою сестру. Он не побоялся встретиться со мной повторно и рассказал, что Юля крутила роман с нами параллельно. Выбирала лучший вариант. А сцена на кухне носила немного другой характер, нежели изнасилование.

Всё еще не верил, но парень привел доказательства того, что действительно видел мою невесту раздетой.

Ну откуда бы он мог узнать о родинке на левой ягодице или под грудью?

Вот тогда и дрогнул, и отдал снимки на экспертизу, выяснив их подлинность.

– Юля, я тебе на почту скинул файл с фотографиями, – прочищаю горло и договариваю, прикрыв глаза и сжав переносицу пальцами, – те, которые мне передали семь лет назад, когда я улетел в Стамбул. Считаю, ты должна их видеть.

Глава 12

ДАВИД

– Это же я, – в сиплом проседающем голосе Юли сплошной скепсис наравне с удивлением.

Идиот, обзываю себя мысленно.

Мне стоило еще семь лет назад дать ей эти фотографии в руки, чтобы вживую увидеть искреннюю реакцию и понять: я жестко ошибаюсь, сомневаясь в ней.

Черт! Да такое шоковое неверие и обиду невозможно сыграть.

– Ты, – подтверждаю очевидное, сжимая волю кулак.

Желание разобраться с каждым, причастным к этим снимкам и не только к ним, топит. Но я себя контролирую, потому что знаю главное: за обман каждый причастный ответит, обязательно ответит. И уже не отвертится.

– Но как? Давид, я не понимаю, – у Котовой начинают сдавать нервы.

А в голосе явно слышатся слезы.

Неудивительно.

Юля всегда отличалась скромностью, а то, что сейчас видит, без сомнений тянет на рейтинг 18+, где ей отведена главная роль.

Только теперь не время жалости, нужно обсудить все подставы за один раз, не размусоливая, чтобы уже больше не

возвращаться к прошлому.

По крайней мере не с ней.

С этой девушки уже достаточно нервов и слез, отныне будут плакать другие. Те, кто еще недавно смеялись за спиной и считали себя вершителями чужих судеб.

Что ж, бумеранг вещь непредсказуемая.

– Чего именно не понимаешь? – спрашиваю твердо.

Надо в зародыше подавить ее жалость к себе и не дать расклеиться. Потом осознает. Я не стану торопить.

– Это я, но... не я. То, что тут изображено... Это порнография какая-то. И этот парень... Это же тот, кто у вас в доме ко мне приставал... – прыгает с одного на другое Котова, слегка заикаясь.

– Стас Хромов, – подсказываю ей.

– Неважно, – отмахивается, не зацикливаясь на имени, – я же его с того вечера больше ни разу не видела. Честное слово. А как тогда?

– Это не фотошоп, Юля. Я просил сделать проверку подлинности ваших личностей.

– Ничего не понимаю, – повторяется она.

Голос взволнован, но слез больше нет.

Тоже заинтересовалась?

Это хорошо, что отвлеклась и готова продолжить разговор. Потому беззвучно выдыхаю и поясняю:

– Посмотри внимательнее и вспомни обстановку кухни в моем загородном доме, – даю наводку. – Знакома?

– Да.

– Скажу больше: это тот же день, когда Хромов на тебя напал.

– Не может быть. Я тем вечером была одета, а тут...

– Верно. В этом и была моя первая ошибка. Я просил проверить на фото достоверность личностей. Твоей и этого... парня. То, что умельцы смогут подкорректировать вашу одежду, точнее, ее некоторое отсутствие – не учёл.

– Получается, – делает она правильный вывод, – кто-то из присутствующих тогда в доме гостей успел сфотографировать, как меня чуть не изнасиловали, а на помощь даже не подумал прийти?

– К сожалению, да.

О том, что это вполне могла совершить моя сестренка, резко невзлюбившая Котову, как только узнала, что я сделал той предложение, пока молчу. Есть только догадки. Но я узнаю обязательно. Пока же трусливые зайцы только и делают, что перекидывают вину с себя на другого.

– Какой ужас, – женский голос полон печали и грусти.

Согласен.

Полностью согласен.

Хотя скорее это не ужас, а человеческая зависть и гниль.

– Это был не единственный обман, Юль, – продолжаю поражать Котову раскрытым, можно сказать, заговором против нашей с ней пары. – Помнишь, я усомнился, что ты беременна от меня?

– Конечно, – слышу неконтролируемый фырк. – Отлично помню.

А что ты хотел, Дав?

Тут же спрашиваю самого себя.

Вряд ли возможно даже годы спустя забыть то, как любимый человек, который предложил пожениться, вдруг не только отыгрывает свое решение назад, но и обвиняет в измене.

– За несколько дней до твоего приезда в Турцию, я был в клинике, сдавал анализы и проходил обследование.

– Но зачем?

– Там вышло немного странно, но в тот момент я не задумывался о совпадениях. Отец вдруг стал сетовать, будто бы мать ему писала, что в детстве я сильно переболел инфекционным паратитом и возможно никогда не смогу иметь детей. Вот и уговорил пройти тесты, чтобы успокоится. Я поехал в клинику, которую он рекомендовал. И узнал о том, что бесплоден.

– Но как? – вновь голос Юли полон эмоций и удивления.
– Это же медицинское учреждение. Они же не могли подделывать информацию.

– Я тоже так думал, – хмыкаю совсем нерадостно, – до позавчерашнего дня. Оказывается могли. Отец признался, что директор клиники – был его одноклассником и другом.

– Твой отец тебя тогда обманул?

– Совершенно верно. Причем, дважды. Я же не поверил

первым результатам. И в день, когда ты прилетела в Стамбул, чтобы сделать мне сюрприз и официально познакомиться с семьей, получил результаты уже из второй клиники.

– И они тоже сказали о твоём бесплодии?

– Точно так. У Дамира Цикала оказались слишком длинные руки и хорошие связи.

– Но это же преступление, Давид. Здравоохранение должно помогать людям, а не вредить им, – а вот и честная, и справедливая Юля проявила себя.

В этом Котова не изменилась. Всегда старалась жить по совести и ненавидела, когда других несправедливо ущемляют и обижают.

– О, поверь, обе клиники уже закрыты, а их деятельность очень скрупулезно и въедливо изучают спецслужбы. Вряд ли у них даже со связями моего отца или еще кого-то могущественного получится отмыться от большого скандала, который я им организовал.

– Мстишь?

– Ищу справедливость.

Жду, что Юля по доброте душевной заступится и попросит забыть о прошлом и отступить, но она на этот раз удивляет:

– Вот и правильно! Молодец! Не хочу, чтобы эти бесчеловечные существа еще чью-то жизнь сломали.

– Не сломают, – даю обещание, которое выполню. – Больше не смогут.

– А знаешь, странно получается, – начинает рассуждать Котова, а я поднимаю взгляд и вновь люблю ее силуэтом в окне. Красивая, даже вот такая немного по-детски милая любительница подоконников, – как они узнали, что я беременна? Или это было совпадением?

– Правильный вопрос, – хвалю за догадливость. – Тебя в клинике видела подруга Карины, одна из твоих бывших клиенток. Ты с обменной картой в руках шла, счастливая. Дамочке хватило ума сопоставить одно и другое и сделать выводы. Позвонить и сообщить моей сестре шокирующую новость – являлось делом пары минут.

– Да, верно. Я посещала клинику в начале недели, а к тебе полетела только в субботу, когда освободилась в салоне.

– А почему сразу не сказала о ребенке? – спрашиваю не чтобы уколоть, а просто ради интереса.

Поражает другое: как порой обстоятельства играют не в твою пользу и всё складывается один к одному, чтобы испортить идеальный порядок течения жизни.

Сегодня ты счастлив и готов покорять горы, а завтра весь мир ополчается против тебя, и ты близок к тому, чтобы опустить руки.

– Хотела сюрприз сделать, – спустя паузу произносит Котова, наверное, тоже вспоминает те дни. – Даже пинетки купила. Одни розовые, другие зеленые. Срок же был совсем маленький, и я не знала, кого мы... я жду.

Понимаю, что оговорка у нее выходит случайно.

Но по сердцу бьет отменно. Сволочью себя вновь чувствую. Предателем и подлецом, отвернувшимся от девушки, которая решила подарить главное сокровище.

– Давид, неужели они меня так сильно ненавидели? – спрашивает Юля, отвлекая от самобичевания. – Что я им сделала?

– А ничего, – ухмыляюсь невесело. – Просто испортила планы моего отца выгодно пристроить меня, женив на дочери партнера, и взять в оборот, полностью подчинив. А Карина в очередной раз проявила свою патологическую ревность и жадность. Она привыкла быть центром моей жизни, важной ее частью, ради которой я готов на многое. А тут ее сдвинули с пьедестала.

– Но я же...

– Юля, – выделяю имя голосом, чтобы привлечь ее внимание, – вы слишком разные. Поэтому ты никогда не сможешь понять сути их мотивов. Они же даже не расстроились, что испортили мою жизнь, не извинились, когда я их разоблачил. Они знали, что у них растет внучка и племянница... и им было чхать на вас. Понимаешь? На меня, на тебя, на Амину. Для них все люди вокруг – словно пешки и куклы, которые должны удовлетворять их потребности. А если пешки взбрыкивают или нарушают правила, о них не жалеют и скидывают с поля. Дамир Цикал прежде всего циничныйделец и бизнесмен, роль отца он исполнял только на публику.

– Но ты же его сын, – вижу, как она качает головой, не

в силах смириться и принять такое отвратительное ко мне отношение.

Да, в милосердии и сопереживании Юля постоянна.

– Сын, отказавшийся жить по правилам, которые ему хотели навязать, и сломавший рамки, в которые пытались загнать, – не скрываю истины нашего с отцом общения. – Семь лет назад я стал догадываться, что Дамир жесткий человек, но вот о том, что он прогнул насквозь... еще нет. Зато знаю сейчас.

– Это больно. Осознавать такое о родных людях. И мне очень жаль. Честное слово, – каждое слово Юли пропитано эмоциями.

Но я понимаю, что это не жалость, направленная на меня, это жалость к людям – душевным инвалидам, с кем я больше не хочу иметь ничего общего.

– Давид, – начинает Котова и замолкает, но потом берет себя в руки, – я соврала тебе про аборт шесть с половиной лет назад. И никогда не думала, что мне когда-нибудь может стать за это стыдно. А сейчас, узнав правду, я уже ничего не понимаю. И ни в чем не уверена. Я запуталась.

Уже то, что она произносит это вслух, думает об этом – для меня огромный шаг вперед. Как будто один из тяжелых камней падает с плеч.

– Верю, Юль. И не виню – даже не думай, – надеюсь, она чувствует, что говорю правду.

Я действительно понимаю тот ее поступок.

– И все же хочу объяснить, – перебивает она, словно боится, что, если не скажет сейчас, потом совсем промолчит. – За несколько дней до твоего внезапного появления мне пришло сообщение с неизвестного номера, что ты заключил помолвку в Стамбуле, и скоро будет свадьба. Это была статья из газеты. Я не могла не верить.

Эта новость действительно, как вишенка на торте.

Даже тут родственнички подсустились.

Откидываюсь в кресле, прикрываю глаза и зарываюсь пальцами в волосы.

Как же противно.

До омерзения противно.

Вот тебе и знаменитая не только в Турции, но и в России семейка Цикал. А по сути – полная гниль, к которой я имею отношение.

– Помолвки не было, Юль, – отвечаю на незаданный вопрос. – Отец поспешил принять решение за меня. Через пару дней ему пришлось давать опровержение, потому что я покинул Стамбул. Сначала полетел к тебе, а затем в Италию, где и жил все эти годы.

Глава 13

ЮЛЯ

– Юль, а Амину где потеряла? – интересуется Соня, как только я появляюсь на пороге их особняка с красочными пакетами, в которые упаковала подарки для будущих крестников.

– Привет, подруга! – хмыкаю, качая головой.

– Ой, прости, – взмахивает Гроссо руками, – я совсем уже с ног сбилась сегодня. Что-то так переживаю перед церковью, что об элементарных вещах стала забывать. Вот, даже не поздоровалась, а сразу накинулась с вопросами.

– Наверное, потому что Богдан и Надюшка уже не меньше двухсот раз тебя о моей попрыгушке спросили. Угадала? – обнимаю подругу и целую в щеку, как и она меня.

– Конечно, угадала, Юльчик. Ты этих сорванцов знаешь лучше, чем я.

– Вот уж не приbedняйся.

– Даже не думала, – отмахивается, сверкая хитрыми глазами, Соня. – Наоборот, это я так к тебе подлизываюсь. Честное слово, до сих пор не верю, что со дня на день уеду на отдых без этой шумной компашки. И веришь? Совершенно не переживаю. Знаю – ты точно справишься!

– Что? Правда? – подмигиваю, подначивая.

– А то! – не поддается, а потом подхватывает под руку

и, будто заговорщица, шепчет. – Если что-то в доме разгромите, не переживай, ремонт за счет Алекса. Он давно хотел косметiku обновить.

– Успокоила, – отвечаю также шепотом, прикладывая ладонь к груди и слегка кланяясь.

А через пару секунд обе звонко хохочем.

Эх, прелесть!

Хорошо у Гроссо. Уютно. Тепло. Радостно. Атмосфера семейная, чистая, спокойная. Душа отдыхает.

– Кофе будешь? – уточняет подружка, встряхивая белокурой гривой шикарных кудряшек. – У нас есть пятнадцать минут, пока Елена Валентиновна и Анна развлекают младших Гроссо погремушками.

– Когда я отказывалась от любимого напитка? – отвечаю вопросом на вопрос и чуть ли не вперед хозяйки перебираю ногами в сторону кухни. – А ты, смотрю, рискнула распустить волосы?

– Ага, – Юлия касается локонов рукой, отчего не менее пяти браслетов звонко бряцают и привлекают внимание к тонким запястьям. Помню-помню ее страсть к этим украшениям. Надо будет обязательно ко дню рождения присмотреть что-то новенькое в подарок. – Решила, раз вам с Давидом, а не мне придется держать моих шустрых малявок на руках, могу позволить себе такой каприз.

– Вот и правильно, молодец. А я по случаю специально заплела «корзиночку». И на ноги балетки надела. Не увере-

на, что смогу на шпильках два часа выстоять.

Чтобы не рисковать, вчера в обеденный перерыв пошерстила в интернете статьи про крещение и то, что требуется от крестных во время таинства. Изучила всё вдоль и поперек и подготовилась так, как смогла. Выглядеть глупо перед посторонними или переспрашивать, если вдруг в волнении что-то прослушаю, очень не хочется.

– А платок не забыла? – уточняет Юля.

– Взяла. В машине лежит.

– Ага, правильно. Блин, и мне надо его взять, – кивает подружка, вновь начиная паниковать и нарезать круги вокруг кухонного островка, вместо того, чтобы заваривать себе чай с молоком.

– Эй, дорогая, – ловлю ее, когда собирается пролететь мимо меня. – Выдохни. И расслабься. Вообще-то, я два взяла. Просто на всякий случай. Так что всё будет хорошо.

– Да? Отлично, – хмурится и одновременно успокаивается Гроссо, а потом спохватывается. – Подожди. Так где всё-таки Амина?

Эх, Соня-Соня.

Улыбаюсь и качаю головой.

Действительно, мамочка-наседка, переживающая о каждом ребенке.

Интересно, а я также бы себя вела, будь у меня не только дочка, а еще несколько деток?

Думаю, да.

Хотя, вот ребята в отпуск укатят, и будет мне двухнедельная тест-проверка.

Трое сорванцов, обожающих проделки, это тебе, Котова, не хухры-мухры.

– Так вон она, во всю с твоими старшими носится, как обычно, – указываю подбородком на свою кудрявую непоседу, выглянув в окно. – А до этого с Давидом разговаривала. Вот и задержалась.

– Э-э-э, с Цикалом? Амина? – замечаю, как красивые брови подружки взлетают вверх. – А-а? О-о! Но...

– Сонь, – с тяжелым вздохом отставляю чашку кофе, из которой успела сделать всего глоток, цепляю Гроссо за руку и утаскиваю к диванчику.

Сажусь сама и тяну следом ее.

Такие новости лучше озвучивать, имея опору под попой.

Еще раз тяжело вздыхаю, потому что новость сейчас все не ко времени, а также потому, что чувствую за собой вину. И причин несколько. Что не рассказала ей раньше. Что посчитала, так будет лучше. Что не смогла довериться и хранила секрет в одиночку.

– Давид – отец Амины, – выпаливаю, не давая себе времени на подготовку и поиск сотни причин в очередной раз промолчать. – Прости, пожалуйста, что не сказала раньше. Мне... Я...

И всё...

Комок в горле не дает продолжить, да и не знаю, что там

должно следовать после этого пресловутого «я».

– Прости, ладно? – повторяю вновь и заглядываю в глаза единственной подруги, боясь увидеть в них разочарование или боль от предательства, но...

– Юлька, мартышка ты моя любимая, – Гроссо шмыгает носом и притягивает меня в свои объятия. – Вот как познакомились, сразу поняла, что ты характером очень напоминаешь мне сестру-близняшку. А сейчас в этом лишний раз убедилась. Лизка у меня тоже хоть и была веселушкой и с виду очень сильной деловой девчонкой, а в душе оставалась скромной, стеснительной и робкой девочкой, хранящей самые большие тайны глубоко внутри. Так что, поверь, я пусть и удивлена, очень-очень сильно, но не расстроена.

– Правда? – не верю словам.

– Правда. Но сразу предупреждаю... пройдет немного времени, я опомнюсь и приду в себя, а уж потом возьмусь за тебя всерьез и завалю кучей вопросов. Не обижайся. Договорились?

– Конечно, – улыбаюсь, часто-часто моргая, чтобы избежать глаза от пелены. – Мне и самой нужно время, Сонь, чтобы со всем свыкнуться. Ведь я, как и ты, тоже очень и очень удивлена. Только немного другим. Не ожидала Цикала у вас встретить, честное слово. Ты, подружка, умудрилась сделать сюрприз не только своему мужу.

– Правда?

– Угу.

– О, Боже! Надеюсь, ты за это на меня не в обиде? Юльчик, милая, если бы я знала, что ты будешь против, я бы...

– Тихо-тихо, ты чего разволновалась? – перехватываю ладонь подружки. Еще не хватало, чтобы у нее из-за моих перипетий грудное молоко пропало. – Сонь, если так было суждено, то оно произошло бы в любом случае. Поэтому, всё! Успокаиваемся и топаем допивать мой остывающий кофе и твой молочный чай. Наверное, крестники нас уже заждались.

– Ага, хорошо, – кивает Гроссо и следом уточняет. – А Амина знает?

– Нет пока. Я ей расскажу позже.

– О, ясно, – соглашается, на минуту зависает, о чем-то задумавшись, и вдруг резко оборачивается, восклицая. – Ю-юля-я!

– Что? – пугаюсь уже я.

– Ну мой муж и жук! – выдает уверенно. – А ведь он же знал! Знал про вас. Верно?

– Э-э-э, ну да, – пожимаю плечами, понимая, что из-за моего молчания еще и Алексу на орехи достанется. – Ты же его не прибьешь?

Заглядываю с надеждой в глаза.

– Да нет же, – отмахивается Соня. – Я про другое.

Удивляет загадочной улыбкой.

– Поделишься? – приподнимаю бровь, закидывая удочку. Любопытство – мой порок.

Подхватываю свою чашку и, убедившись, что кофе без-

божно остыл, с сожалением опускаю её в мойку. Не повезло его выпить.

– Мой хитрый муж предложил на крещении поделить близнецов. Одного тебе, другого Давиду. А не так, чтобы каждый из вас был крестным обоих, – ошарашивает новыми вводными Гроссо.

И опять загадочно улыбается, совершенно спокойно пригубляя холодный чай.

– Почему?

Мне действительно интересно и непонятно.

– Потому что... – звучит от довольной как слон подруги, напоминающей в этот момент бесшабашную вредину, которая точно знает, о чем говорит, но ни за что не расколется, потому что так решила. – А вот потому что!

Повторяет радостно вновь.

Чмокает меня в щеку, подхватывает за руку и утягивает из кухни в гостиную и дальше вверх по лестнице.

– Юльчик, нам уже пора выдвигаться, а то опоздаем.

Обряд крещения детей я прохожу как во сне. Делаю сначала одно, потом другое, потом третье. Всё, что от меня требуют обязанности крестной мамы.

Из впечатлений ярче всего запоминаются невозможно красивый храм, монотонно бубнящий батюшка, безумно уставшие руки, немного удушающий запах ладана, задержан-

ное дыхание и сбившееся с ритма сердце, когда моего крестника трижды окунают в купель, а он даже не пищит, а лишь по-Гроссовски недовольно отфыркивается.

Но сильнее всего, несмотря ни на что, я ощущаю мужчину, стоящего рядом и держащего на руках второго младенца. От Давида веет такой мощной энергетикой, уверенностью и властностью, что меня воле-неволей сотрясает мелкая нервная дрожь. И я стараюсь всеми силами контролировать себя, чтобы не повернуть голову и не зависнуть, разглядывая совершенный профиль.

Котова, он – чужой человек.

Одергиваю себя мысленно раз за разом. Но бесполезно.

То, о чем он рассказал мне этой ночью, перечеркивает пусть не все, но многие обиды. Объясняет его грубое поведение и наше общее состояние марионеток, которые попали в руки опытных и жестоких кукловодов.

И я, как воздушный шарик на ветру, мечусь и не понимаю, как поступать дальше, от чего отталкиваться и к чему стремиться.

Давид, прежде всего, отец Амины. Осознаю и принимаю. Он для моей девочки скоро станет также близок, как и я. И это правильно. Это честно.

Но сложно.

Безумно сложно ломать устоявшуюся жизнь. Но ради дочери я справлюсь со всем.

Не удерживаюсь и скашиваю глаза, как только крестник

Цикала громко агукает и взмахивает ручками, решая изучить пуговицу пиджака. И спустя несколько минут осознаю, что перед глазами остается не образ любопытного младенца, а обращенный ко мне теплый темно-карий взгляд.

А еще четко очерченные плотно сжатые губы и квадратный подбородок, покрытый отросшей щетиной.

Сколько дней он не брился?

Влетает в голову нелепая мысль, пока батюшка что-то заунывно напевает.

Господи, Юлька, ну тебе-то какое дело?!

Ругаю себя следом и глупо радуюсь, что руки заняты ребенком, иначе точно дала бы по лбу, привлекая внимание.

Церковь покидаю со скрытой радостью, потому что теперь появляется возможность отойти от Давида чуть дальше, чтобы успокоить заполошное сердце и вдохнуть полной грудью воздух, в котором не так явственно ощущается такой до боли знакомый аромат не моего мужчины.

Глава 14

ЮЛЯ

– Привет, пчелка. Ну что, отстрелялась? – весело уточняет Зубков, позвонив в начале пятого, когда я сижу за накрытым столом в доме Гроссо.

– Привет, Влад. Подожди секунду.

Тихонько извиняюсь перед друзьями и покидаю гостиную, где мы устроили праздничное застолье в узком кругу, как только приехали из церкви.

– Я ненадолго, – предупреждаю Соню, хитро поглядывающую на меня, когда прохожу мимо.

– Хорошо, мама крестная. Мы тебя ждём. Не задерживайся, скоро будет горячее, – говорит она громко, растягивая шаловливую улыбку.

Вот же лиса!

Уверена, специально так делает, чтобы дать понять моему собеседнику на том конце связи, что он позвонил не вовремя. И этому не совсем рады.

– Привет еще раз, Влад, – произношу в трубку, оставшись одна. – Да, ты прав, малышей уже покрестили.

Во время беседы выхожу в закрытый внутренний дворик и выбираю одну из скамеек, установленных под виноградом. Устраиваюсь поудобнее, вытягиваю ноги и, откинувшись на изогнутую спинку, прикрываю глаза, подставляя лицо сол-

нечным лучам.

Затягивать разговор не планирую, наоборот, надеюсь поговорить быстрее, чем меня обнаружит веселящаяся троица старших детей.

Вот уж от кого пощады не жди. Закидают своими излюбленными: «А кто?», «А что ему надо?», «А почему?».

– И как? Всё в порядке? Тебя можно поздравить? – интересуется мужчина.

По звукам на заднем плане понимаю, что он за рулем. Недовольные сигналы клаксонов в центре города в час пик – обычное явление.

– Да, я теперь крестная мама Ильи, – хвастаюсь новой должностью.

– Не понял. А почему только одного ребенка? Ты же, помнится, говорила про обоих близнецов.

– Ну-у-у, вот так вышло, – хмыкаю, вспоминая собственное удивление, когда Соня озвучила решение Алекса.

Кстати, я так и не поняла, с чего вдруг они так всё переиграли. А вопрос действительно интересный. Обязательно полазаю в интернете, чтобы всё выяснить.

– Любашку крестил Давид, – возвращаюсь к беседе с Зубковым.

– Цикал?

– Верно.

– Вот как... любопытно. Не успел в Россию прилететь, уже везде маячит, – не знаю, кажется мне или нет, но голос Вла-

да будто слегка покрывается изморозью. – Деловой, куда деться. Такой же, как Гроссо.

– Ну да, не зря они – друзья детства и даже побратимы, – пожимаю плечами, не видя в этом ничего странного.

– Ого, как много ты знаешь про турецкий денежный мешок.

А вот эту язвительность уже нельзя пропустить.

– Влад, прекрати. Давид – не мешок, а друг моих друзей. Давай сменим тему. Я не хочу этого слышать.

– А что не так? Разве я ошибаюсь? – впервые Зубков настолько некорректен, что этим неприятно поражает. Будто какой-то завистливый незнакомец. – Хотя... ты права. Много чести, тратить время на обсуждение этого типа.

– Спасибо.

Радуюсь, что тема закрывается раньше, чем мы успеваем повздорить. Не хотелось бы прекращать наши отношения на такой неприятной ноте.

Но и говорить гадости про моих знакомых за их спиной не позволю. Что-то не устраивает – будь смел сказать в глаза, а не шипи, как змей по углам.

Ага, особенно гадости про отца Амины, правда, Котова? Подначивает меня моя вредная часть натуры.

Да хоть бы и так!

Мысленно вздергиваю подбородок.

– Кстати, Влад, я тебе звонила и отправляла сообщения с десяти утра, – напоминаю о том, что было проигнорировано.

И да, это меня задело, а сейчас есть повод спустить пар. – Как всегда, был занят и не мог ответить?

– Конечно, – тут же летит уверенное. И в голосе нет ни грамма раскаяния. – Вот за что я тебя люблю, пчёлка, так это за понимание. Деловой человек всегда поймет такого же делового человека.

Ну, это вряд ли. Тут скорее дело в безразличии.

Отвечаю мысленно на выпад Зубкова.

Да и упоминание любви из его уст в такой интерпретации немного корбит. Будто я какие-то плюсики заработала, и теперь меня можно уважать и любить. А поступила бы не по правилам... И что? Как в детском саду? Сегодня ты плохая, Юля, и я тебя не люблю?

Смешно.

– Ты скоро освободишься? Мы хотели посмотреть помещение под твой салон, – продолжает Влад как ни в чем не бывало.

А вот и цель звонка – делаю вывод. Потому то голос жёниха меняется, становясь серьезным и решительным.

– Я помню про наш разговор во вторник. А также про то, что я сразу предупредила о своей занятости в пятницу на весь день.

Сейчас у меня нет никакого желания идти на уступки Зубкову, хотя еще утром думала, что могла бы выкроить часик, чтобы съездить с ним и посмотреть новое место. Амина с удовольствием бы потусила у Гроссо в это время и не отвле-

кала.

Но...

Я – девочка. И бываю временами обидчивой.

Раз Влад меня игнорировал, пока я ему не понадобилась, значит, и я его помариную. Впрочем, все равно у меня нет желания уезжать из этого гостеприимного дома. Тут хорошо, и я отдыхаю душой, даже если нахожусь под постоянным вниманием карих глаз отца моей дочери.

И тебя волнует это внимание, правда, Котова? Приятно волнует?

Подначивает меня моя разошедшаяся внутренняя вредина.

Мысленно фыркаю.

Даже в душе не собираюсь отвечать на этот провокационный вопрос.

– Юль, неужели ты обиделась, что я не был на крестинах? Если хочешь, я могу сейчас приехать, – в голосе Влада появляются мягкие заискивающие нотки. – Отложу встречу и приеду поздравить Гроссо. Даже подарок куплю.

Нет. Точно не хочу.

Качаю головой, пусть мой собеседник этого и не видит.

Специально не напоминала сейчас Зубкову о приглашении, чтобы не кривить душой.

И, что показательно, Соня ни разу не спросила, почему со мной его не было. Будто уже вычеркнула его из моего окружения.

А ведь и я сама так сделала.

Понимаю в эту минуту четко. Мысленно я уже как неделю попрощалась с парнем, а вот расстаться на деле пока не решилась.

– Нет, Влад, не думаю, что это будет уместно в это время, – произношу вслух. – Соня и Алекс не приглашали гостей, здесь только они и крестные.

– Ты и Цикал, – делает правильный вывод Зубков, неприятно хмыкая.

Будто обвиняет меня в чем-то.

Да ну, глупости.

Отмахиваюсь от пришедшей в голову мысли.

Меня не в чем упрекнуть. Я не делаю ничего предосудительного, нося на пальце помолвочное кольцо.

Перевожу взгляд на украшение, и рука сама собой тянется его снять, как инородный предмет, который мешает.

– Мне пора идти, Влад. Я позвоню тебе завтра, – прощаюсь с мужчиной, не давая ему возможности вставить слово.

Собираюсь встать со скамьи и вернуться в гостиную к друзьям, но вместо этого обхватываю пальцами кольцо и, прокручивая его, начинаю снимать.

– У тебя всё в порядке? – бархатный тембр до боли знакомого голоса будоражит нервные окончания.

Вскидываю взгляд и упираюсь им в Давида.

– Давно ты здесь? – игнорируя заданный вопрос, задаю свой.

Отец Амины стоит, прислонившись плечом к яблоне, сложив руки на груди. Судя по позе, он тут появился не только что.

– Я не вникал в суть разговора, если ты переживаешь об этом.

И вновь Давид читает мои мысли. Как в былые времена. Колет воспоминание.

Только мы не в былых временах. И всё изменилось.

Одергиваю саму себя.

Наивная девочка Юля осталась в прошлом, и тут ей делать нечего.

– Давид, – решаю быть смелой и спросить о том, что смутило в церкви. – А как так вышло, что ты православный? Ведь твой отец...

– Мусульманин, – заканчивает он за меня совершенно спокойно.

– Если не хочешь рассказывать, я пойму, – тут же отступаю, решив, что сунулась на закрытую от посторонних территорию.

– Нет, все нормально, – Цикал отталкивается от дерева и приближается к моей скамье. – Позволишь?

– Конечно, – сдвигаюсь, уступая место.

– Я тебе рассказывал, что меня мама воспитывала одна, – Давид, как и я раньше, откидывается на спинку, вытягивая свои длинные ноги. – Она была верующей. Каждую субботу ходила в церковь на службу. Но, что интересно, меня кре-

стила не младенцем, а в пять лет. И прежде чем это сделать, спросила мнение: хочу ли я?

Голос мужчины звучит мягко и тягуче, завораживая вибрирующими интонациями. Ловлю себя на мысли, что он меня чарует, как кошку валерьянка.

– Но в пять лет ребенок еще не понимает этого, – намекаю на очевидное.

– Согласен. Но я и сейчас помню тот разговор и свой твердый ответ, что хочу быть верующим, как и она.

– Ты очень любил свою маму, – произношу утвердительно.

Об этом не нужно спрашивать. Оно сразу чувствуется по интонации, по теплеющему голосу, по смягчившимся чертам лица.

– Очень.

– И я свою, – на губах непроизвольно расцветает улыбка, как только думаю о самом близком когда-то мне родном человечке. – А отец тебя не уговаривал принять другую веру?

Вновь возвращаюсь к разговору.

Странное дело, но я только сейчас задумываюсь, что мы с Давидом могли быть несхожи даже в вопросах религии.

И как хорошо, что этого не случилось.

– Однажды был разговор. Но, получив отказ, Дамир больше к нему не возвращался, – произносит Цикал ровно, хотя я отлично понимаю, как ему больно говорить о человеке, предавшем его интересы и его самого.

Не представляю, как можно вынести удар в спину от тех, кого любишь.

– Ты мне так и не ответила на вопрос: у тебя всё в порядке, Юля? – Давид опускает свою широкую ладонь поверх моих рук, заглядывая в глаза.

И я только тогда замечаю, что всё это время не переставала крутить кольцо Зубкова, норовя его стянуть.

– Мне показалось, что ты была расстроена, – поясняет он свои действия, убирая руку, на которой я сосредоточила внимание.

– Нет, ерунда, не вникай, – растягиваю улыбку.

По сравнению с тем, что свалилось на Давида, мои отношения с Владом – действительно ерунда.

– Вернемся к ребятам, – поднимаюсь, принимая беззаботный вид и решая, что разговора «наедине» с Давидом было и так достаточно для моего заполошного сердца. – Иначе надумают, что мы потерялись и отправятся на поиски.

– Или пошлют команду следопытов под предводительством Амины, – поддерживает легкий тон мужчина.

– Ты хорошо изучил дочь за такой короткий срок, – удивляюсь верным выводам Цикала, ступая первой по тропинке.

– Я больше не намерен терять ни минуты, хочу знать о ней как можно больше, – раздается четкий ответ в спину, а потом еле слышное. – Как и о тебе.

Показалось.

Успокаиваю саму себя.

Последнее мне точно показалось.

Дорогие, вот возможность сэкономить!

LOVIKOD15 - даст скидку 15 # на одну книгу - действителен до 01.01.25

ADMITAD10 - скидка 10 р на одну книгу - действителен до 01.01.25

B-SPORTS - скидка 10 р на книгу - действителен до 01.01.25

LOVIRPG10 Скидка 10% - действителен до 01.01.25

FANTASY70 - скидка 70% - до 30.06.2024

Промокоды на 10% скидку действительны до 01.01.25:
CAKE10 MANIA10 BLOG10

Глава 15

ЮЛЯ

– Здравствуй, Юля. Не отвлекаю? – звонок от Давида раздается ровно в двенадцать ноль-ноль в субботу.

Отмечаю мимоходом, глянув на часы, установленные на микроволновке.

– Здравствуй. Нет. Готовлю обед.

Прижимаю телефон плечом к уху и возвращаюсь к столу, где занималась нарезкой морковки и картофеля.

– Вы с Аминой сегодня дома?

Вопросы Цикала просты и понятны. Он интересуется дочерью, о которой, как и говорил, хочет знать больше. Вот только меня его добродушный тон и такая заинтересованность в наших обыденных делах слегка пугает.

Слишком быстрыми темпами он продвигается. Я не успеваю подстраиваться.

Да, стараюсь.

И всё же перечеркнуть семь лет без него одномоментно не могу. Сложно.

– Знаешь, – мысленно пометавшись между ответами, выбираю самый правдивый, – мы еще это не обсуждали. Кудряшка пока смотрит мультики. Но в торговый центр нам сегодня нужно.

– Решили обновить гардероб или просто устройте прогул-

ку для девочек?

– Нет, пойдем целенаправленно. У подружки Амины завтра праздник. Нужно купить подарки.

– Хорошее занятие, – поддакивает Давид, напоминая примерного семьянина, а не мужчину, узнавшего, что у него есть дочь всего неделю назад. – А как вы отнесетесь к тому, что я составлю вам компанию?

– Ты? Нам? – произношу, заикаясь, и бездумно с громким хрустом откусываю кусок сочной моркови.

Хорошо, что не пальцы.

– Кто там, мамочка? – вы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.